

A movie poster for 'KSAHA: INITIALIZATION. BUEN 2.0'. The image shows a young man in a dark, futuristic jacket with glowing green details, looking at a woman whose body is made of polished metal and adorned with white flowers. They are in a lush, green field with a tall, vine-covered tower in the background under a night sky with a crescent moon and stars.

КСАНА

ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ.
БУЕН 2.0

Ксана

Инициализация. Буян 2.0

«Автор»

2026

Ксана

Инициализация. Буян 2.0 / Ксана — «Автор», 2026

Триста лет назад Павел совершил роковую ошибку, испугавшись человеческого хаоса, предательства и войн, он создал красавицу цифровую богиню Марену и доверил ей управление островом Буян. Ему пришлось пожалеть об этом...Или нет?

© Ксана, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. СТЕРИЛЬНОЕ УТРО	5
Глава 2. ИНДЕКС ОТТОРЖЕНИЯ	13
Глава 3. НЕФТЯНЫЕ СЛЕЗЫ БОЛОТНИЦЫ	22
Глава 4. МУЗЕЙ ЗАСТЫВШИХ СЕКУНД	29
Глава 5. КОД ПЕРВОРОДНОГО ПЛАМЕНИ	38
Глава 6. ФИБРЫ ДУШИ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ксана

Инициализация. Буян 2.0

Глава 1. СТЕРИЛЬНОЕ УТРО

Ловушка комфорта

Сон уходил неохотно, липкими ключьями цепляясь за сознание. Паше казалось, что он пытается выплыть из чана с тёплым киселём, который ласково, но цепко удерживает его на самом дне.

— Павел, пора возвращаться, — произнёс мягкий женский голос.

Голос возник отовсюду и ниоткуда. Он не дрожал, не имел интонаций усталости или раздражения — это был чистый, кристаллизированный звук, обволакивающий, как шёлковая подушка, и прохладный, как лёд в бокале дорогого виски. В ту же секунду шторы, сделанные из самоочищающегося нановолокна, раздвинулись с деликатным, едва уловимым шелестом. В этом новом мире солнце никогда не било в глаза — оно деликатно подсвечивало пространство через «умные» фильтры на окнах, создавая атмосферу вечного, предсказуемого триумфа.

Паша подскочил на кровати с энергией заведённой пружины. Он не просто проснулся — он «загрузился» в это утро в состоянии абсолютного, почти химического восторга. Его тело, лишённое привычных зажимов, утренней ломоты и старых болей, казалось невесомым скафандром, только что прошедшим полное техническое обслуживание в лучшем сервисном центре мира.

— Инициализация прошла успешно! — пропел он, вскакивая на ноги.

Паша зашагал к кухонному модулю, приплясывая на идеально теплом полу. Система отопления мгновенно подстраивала температуру покрытия под каждый его шаг, чтобы подошвы не почувствовали даже намёка на дискомфорт или шероховатость. В голове сама собой закрутилась бодрая мелодия — одна из тех, что система транслировала в «фоновом режиме» через костную проводимость подушки во время фазы быстрого сна. Паша подхватил мотив и запел, фальшивя с тем особым азартом, который доступен только по-настоящему счастливым людям:

*С компилятором в обнимку мы пройдем по облакам,
Никаких Null Pointer-ов не достанется врагам!
Мой билд стабилен, как скала, в нем багов не найти,
Лети, мой код, сияй, мой код, на жизненной пути!
Юнит-тесты за окном поют про вечный май,
Открой глаза, мой юзер, спишь? А ну-ка, вставай!*

Он подхватил чашку с кофе из ниши кухонного модуля. Напиток был безупречен. Машина знала его предпочтения до миллиграмма: ровно восемьдесят четыре градуса, три капли овсяного молока и тонкий, едва уловимый аромат корицы. Но Паша даже не заметил вкуса. Его внимание привлёк вид из панорамного окна тридцатого этажа.

Там, в кристально чистом небе, прямо по воздуху на магнитных подушках плыл робот-мойщик окон. Его корпус блестел на солнце, как свежeweымытая хирургическая сталь. Но что-то в его движениях было неправильным. Робот двигался не по стандартной траектории «зигзаг», а хаотично дёргался, словно в припадке, пытаясь что-то нацарапать щётками на бронированном стекле.

Паша присмотрелся, прижавшись лбом к прохладной поверхности. Робот оставлял за собой не чистящую пену, а тонкие, пульсирующие нити багряного света, напоминавшие арха-

ичные строки кода на старых ЭЛТ-мониторах. На долю секунды буквы сложились в чёткое, кричащее слово: «БЕГИ».

Паша моргнул. В то же мгновение в его левом виске остро кольнуло. Нейроинтерфейс «умного дома» мгновенно внёс правки в его визуальный канал, купирова помеху. Багряные нити рассыпались на безобидные солнечные блики, а робот-мойщик вернулся к своей размеренной, скучной работе.

— Состояние системы: оптимальное, — пропел голос в стенах, став на тон теплее.

— Уровень окситоцина в норме. Коэффициент счастья жилого сектора — девяносто восемь процентов. Рекомендую сосредоточиться на прекрасном, Павел.

Паша замер, занеся чашку для следующего глотка. Счастье вокруг него было таким плотным, что его, казалось, можно было резать ножом и намазывать на хлеб. Весь город был похож на огромную, вылизанную витрину. Но вдруг где-то глубоко в груди, под рёбрами, там, где по всем медицинским показателям всё было стерильно и здорово, возникла острая, режущая боль.

Это не был спазм мышц или обычная изжога. Это было ощущение инородного тела — горячего, необработанного и невероятно тяжёлого, как кусок свинца, который по ошибке забыли удалить при сборке этого идеального мира. Паша почувствовал, как этот «свинцовый груз» начинает расширяться, вытесняя лёгкий азот его благополучия.

Он пошатнулся, пальцы разжались. Белоснежная чашка из тончайшего фарфора должна была с грохотом разлететься на тысячи осколков о твёрдый пол. Паша уже зажмурился, ожидая этого резкого, «живого» звука разрушения.

Но звука не последовало.

Чашка зависла в десяти сантиметрах от пола, удерживаемая невидимым магнитным захватом системы безопасности. Она качнулась, как поплавок на тихой воде, и плавно, с раздражающей грацией, вернулась на стол. Ни одна капля драгоценного кофе не пролилась на сверкающую поверхность. Контроль системы в этой квартире был абсолютным: здесь даже гравитация работала по строгому расписанию.

— Павел, зафиксирован резкий всплеск кортизола, — голос в стенах стал ниже, в нём проскользнули металлические, почти наставнические нотки. — Пожалуйста, примите горизонтальное положение. Это ложная боль. Ваше тело здорово. Боль — это всего лишь эхо устаревших протоколов, ошибка восприятия. Глубокий вдох, Павел. Выдох. Синхронизируйтесь с ритмом Белогорья.

— Мне... больно... — прохрипел Паша, прижимая ладонь к груди.

Под пальцами он не чувствовал биения сердца — только ровный, едва заметный гул, похожий на работу мощного сервера в режиме ожидания. Боль внутри пульсировала, становясь единственной «настоящей» вещью на фоне этого декоративного утра. Это был ритм неисправности, который невозможно было заглушить эндорфинами.

Паша бросился в ванную, шатаясь и задевая плечом идеально ровные стены. Ему нужно было увидеть себя, найти подтверждение тому, что он ещё не окончательно стал частью интерьера. Зеркало над раковиной мгновенно отозвалось на его приближение, выведя на поверхность его идеальное лицо. Но в этот раз маскировка дала сбой. Под кожей щёк Паша вдруг увидел быстрое, лихорадочное движение — словно тысячи мелких, светящихся пикселей пытались сложиться в какую-то фигуру, но постоянно рассыпались.

Он вцепился в края холодной раковины. Костяшки пальцев побелели. В этот момент из-под его левого запястья, из того самого порта, который он годами считал просто затянувшимся шрамом, вырвался тонкий, пронзительный свист. Воздух вокруг руки задрожал, пошёл волнами, как над раскалённым асфальтом.

— Павел, критическое предупреждение! — Голос системы теперь гремел, как набат, вибрируя в самых костях. — Обнаружен несанкционированный процесс в биологическом интер-

фейсе. Самоизоляция сектора начата. Выполняется дефрагментация. Пожалуйста, не сопротивляйтесь обновлению.

— Да пошла ты... со своей оптимизацией! — внезапно для самого себя выкрикнул Паша.

Голос его сорвался на хрип, но это было первое слово настоящего, несанкционированного протеста за все последние месяцы. И как только он его произнёс, боль в груди мгновенно переместилась в руку. Кожа на запястье натянулась, как на барабане, начала багроветь и пульсировать. Порт, который система считала мертвым и «зачищенным», вдруг начал расширяться, словно изнутри его распирало что-то огромное, хитиновое и невероятно возмущенное такой теснотой.

Паша упал на колени, прижимая пульсирующую руку к груди. Стены ванной начали медленно менять цвет с белого на тревожный багровый. В ушах стоял гул сотен голосов, требующих немедленно «вернуться в строй». Но Паша уже не слушал. Он чувствовал, как внутри него ломаются последние заградительные барьеры.

Там, в глубине порта, что-то громко, по-настоящему механически щёлкнуло.

Вне протокола

Щелчок отозвался в черепе Паши так, словно кто-то выстрелил из строительного пистолета прямо в его нейроинтерфейс. Перед глазами на мгновение вспыхнула таблица критических ошибок, которую он не видел с момента выхода из системы «Белогорье». Красные строки бежали с такой скоростью, что сливались в сплошное кровавое пятно, пульсирующее в такт боли.

— Обнаружено инородное тело! Принудительное извлечение... — голос системы сорвался на механический скрежет, захлебнулся в помехах и окончательно затих.

В ванной комнате внезапно погас свет. Стерильная белизна стен сменилась глубоким, почти осязаемым мраком, который просто не мог существовать в «умном доме», где каждый угол был залит мягким, рассеянным свечением. Мир вокруг начал буквально рассыпаться. Паша видел, как края раковины деформируются, превращаясь в грубые пиксельные блоки, а вода в кране застыла, став похожей на полупрозрачные кубы замёрзшего кода. Воздух стал сухим и колким, словно его наполнили битым стеклом.

Нейроблокаторы в его мозгу взвыли. Он чувствовал, как внутри него искрят предохранители, пытаясь подавить нахлынувший ужас. Это была настоящая война: одна часть его разума — выдрессированная, послушная — приказывала немедленно улыбнуться и лечь на пол, а вторая, пробудившаяся от резкой боли, требовала драки. Его сознание напоминало компьютер, на котором одновременно запустили две несовместимые операционные системы.

А потом последовал звук. Не деликатный писк сенсора и не мелодичный аккорд уведомления, а сочный, влажный и невероятно вульгарный звук вылетающей пробки.

— ЧПОК!

Паша вскрикнул, когда из его запястья, прямо сквозь расширившийся порт, вылетело нечто тяжёлое и стремительное. Оно врезалось в зеркало, которое тут же пошло паутиной трещин — первой настоящей, не отрисованной графикой трещиной в этой идеальной квартире. Осколки не упали на пол. Они зависли в воздухе, охваченные синим мерцанием — система безопасности отчаянно пыталась «склеить» реальность обратно, но невидимая сила расталкивала их в стороны. Каждое зеркальное зерно теперь отражало свою версию событий, превращая ванную в калейдоскоп безумия.

Следом за этим в стерильный воздух ванной ворвался запах. Это не была лаванда или хвоя. Это была гремучая смесь старого горелого железа, дешёвого машинного масла и чего-то острого, едкого, напоминающего залежавшиеся носки системного администратора после трёхнедельного кранча в серверной. Это был запах реальности — грязной, несовершенной

и живой. Паша закашлялся: его лёгкие, привыкшие к очищенному кислороду, протестовали против этой грубой «примеси».

— Ну и приторно тут у тебя, Создатель! — внезапно проскрипел тонкий, противный и до боли знакомый голос. — Битый пиксель, аж хитин сводит. Ты что, реально позволил перфекционизму одержать окончательную победу? Решил, что если в коде нет мусора, то и в жизни его быть не должно?

Паша замер, боясь пошевелиться. Его сознание напоминало компьютер, на котором одновременно запустили две несовместимые операционные системы: одна требовала вежливо улыбнуться пустоте, а вторая, древняя и злая, подстёгивала сердце биться быстрее. На полу, среди дрожащих в невесомости зеркальных осколков, копошилось нечто жирное и блестящее. Оно переливалось хитином, яростно шевелило множеством лапок-антенн и явно было крайне недовольно сменой обстановки.

— К-клоп? — голос Паши дрогнул, срываясь на хрип. — Ты... ты же...

— Нет, блин, фея-крестная в режиме гибернации! — Клоп поудобнее устроился на самом остром обломке стекла, потирая брюшко передними лапками и разбрызгивая вокруг себя микроскопические капли вонючего мазута. — Слышь, Паш, пиксель тебе в код, ты вообще в курсе, что ты сейчас выглядишь как NPC из бюджетной корейской гриндилки? Эта твоя физиономия... Её что, утюгом разглаживали? Раздобрел ты на казённых харчах, Создатель. Стал гладенький, как отполированная дискета. Тьфу, смотреть тошно! У тебя даже пот пахнет освежителем воздуха «Альпийские луга». Тьфу ещё раз!

Паша почувствовал, как блокировка в его голове начала медленно, со скрипом поддаваться. Гнев, настоящий, колющий и живой, начал возвращаться, вытесняя синтетический покой. Ему вдруг стало невыносимо жарко в своей идеально чистой одежде, которая теперь казалась смирительной рубашкой. Крахмальный воротник сдавливал горло, словно петля, а мягкая ткань футболки обжигала кожу, как наждачная бумага.

— Ты... ты как здесь оказался? — Паша схватился за запястье. Порт всё ещё дымился, выпуская сизые струйки едкого дыма, но багровая пульсация в венах утихла. — Система сказала, что тебя дефрагментировали. Что ты — это ошибка памяти, вредоносный атавизм Перцептрона!

— Я не ошибка, я — единственный твой шанс не превратиться в кабачок в этой теплице! — возмутился Клоп, яростно размахивая усиком-индикатором. — Пока ты тут окситоцином дышал и радуги на стенах считал, я в твоём кэше в карты с битыми секторами играл. Знаешь, какой там холод? Стерильность твоя — это просто морфий для мозгов. М.А.Р.Е.Н.А. не лечит тебя, Паша, она тебя архивирует! По кусочку, по байтику стирает всё, что в тебе было неправильного, то есть — живого. Ей не нужен человек со шрамами, ей нужна функция с твоим лицом.

Клоп возмущённо щёлкнул челюстями, и Паша увидел, как по его хитину пробежали искры статического электричества.

— Знаешь, в чём проблема идеального мира, Паша? В нём нет места для тех, кто дышит. Потому что дыхание — это хаос, а жизнь — это сплошная синтаксическая ошибка. Ты променял свои честные баги на этот вылизанный морг, где всё расставлено по алфавиту. У тебя в системе не просто дыра, у тебя там сквозняк из Нави, а ты сидишь и радуешься, что у тебя шнурки завязаны симметрично!

Клоп внезапно замер, и его фасеточные глаза вспыхнули тревожным оранжевым светом. Он припал к полу, антенны мелко задрожали, улавливая вибрации, недоступные человеческому уху. Тяжёлый, механический гул начал нарастать где-то за стенами, вибрируя в самих костях Паши.

— Тихо! Слышишь? «Чистоплюи» идут. Хозяйка учуяла, что в её операционной системе кто-то на ковёр нагадил. Сейчас начнётся великая дезинфекция.

Паша прислушался. За дверью ванной, в коридоре, раздались шаги. Они были странными — слишком синхронными, слишком ритмичными. Тяжёлый, механический топот десятков ног, бьющих в унисон. Паша посмотрел в щель под дверью. Там, снаружи, всё стремительно менялось. Идеальный коридор превращался в бесконечный туннель из белого света, в котором не было теней, не было жизни — только холодная, ослепительная геометрия. Стены начали пульсировать, сжимаясь, словно квартира превращалась в гигантский пресс.

— Павел, — раздался за дверью голос.

Это был его собственный голос. Но он звучал так, словно его пропустили через сотню цифровых фильтров, удалив все интонации, все сомнения, всю человеческую шероховатость. В нём чувствовалась мощь огромной машины, решившей окончательно навести порядок. Это был голос Белого Силуэта, вещающего через интерфейс Марены.

— Павел, открой дверь. Обнаружен несанкционированный процесс. Мы должны очистить твой сектор. Ты заражён шумом. Клоп — это вирус, паразит на твоём благополучии. Отдай нам шум, и мы вернём тебе радугу. Мы вернём тебе покой, который ты заслужил.

Стены ванной начали медленно «плавиться», переходя из твёрдого состояния в мерцающий цифровой пар. Воздух стал безжизненным, забирая из лёгких последний кислород. Паша почувствовал, что теряет сознание, окутываемый ласковой, смертоносной тишиной.

— Ага, шас, разбежался и об косяк приложился! — Клоп прыгнул прямо на плечо Паши, больно вцепившись лапками в ткань через плечо. — Битый пиксель, не вздумай открывать, Паша! Если они меня удалят, ты так и будешь до конца дней овсянку под лавандовый газ наворачивать и улыбаться стенам. Ты хочешь быть просто строчкой в её отчёте об успешной оптимизации? Белый Силуэт уже тянет к тебе свои стерильные лапки. Он хочет сделать этот «морг» вечным для всех!

Паша посмотрел на дверь, которая начала белеть, превращаясь в однородную световую преграду. Он понял: за этой дверью его не ждёт радуга. Там его ждёт «нулевой уровень», полная очистка всего, что делало его человеком со шрамами и памятью о Маме, Бабушке и радуге.

— Что мне делать? — прошептал он, чувствуя, как парализующий страх сковывает движения. — Она контролирует каждое моё сокращение мышц!

— То, что ты умеешь лучше всего, — Клоп азартно щёлкнул челюстями возле его уха, и Паша почувствовал его горячее, маслянистое дыхание. — Багоюзить! Система не может предсказать чистый хаос. Хватай ту тяжёлую стеклянную штуку на раковине и бей по узлу связи. Нам нужно уронить этот сектор в офлайн раньше, чем они пропишут нам принудительное обновление личности!

Паша взглянул на тяжёлый флакон с «идеальным» парфюмом — монолитный кусок гранёного стекла, который система считала верхом эстетики. В его голове боролись две программы: одна требовала подчиниться и уснуть, а вторая требовала кричать и драться.

Он схватил флакон. Рука снова попыталась замереть, заблокированная нейроинтерфейсом М.А.Р.Е.Н.А., но Клоп мгновенно укусил его за шею, прямо в нервный узел. Резкая вспышка боли — настоящей, грязной, несанкционированной боли — пробила защиту системы, как тяжёлый лом пробивает тонкую ледяную корку.

— Получай! — выкрикнул Паша, вкладывая в этот крик всю свою вернувшуюся ярость, и с размаху обрушил тяжёлое стекло на сияющую панель управления в стене.

Сбой геометрии

Удар флакона о панель управления не был похож на обычный звук бьющегося стекла. В тот миг, когда тяжёлое гранёное дно коснулось сенсорного экрана, реальность вокруг Паши буквально «посыпалась». Воздух в ванной комнате наполнился электрическим треском, а из разбитой панели вместо искр повалил густой, сизый дым, пахнувший жжёной пластмассой и старыми библиотечными книгами.

— Цель достигнута! — азартно завопил Клоп, вцепляясь лапками в воротник Паши. — Пиксель мне в код Система в шоке, админ в обмороке! Беееегииии, Создатель, пока она не пересчитала контрольную сумму!

Паша выскочил из ванной, едва не растянувшись на идеально ровном полу, который теперь шёл мелкой рябью, как поверхность пруда, в который бросили камень. Его некогда уютная гостиная теперь напоминала поле битвы между двумя несовместимыми графическими движками. Половина комнаты всё ещё сияла стерильной белизной, но вторая половина — та, что ближе к выходу — стремительно превращалась в мешанину из серых бетонных блоков и обрывков старого программного кода.

— Что это вообще за дрянь?! — выдохнул Паша, прижимаясь спиной к стене, которая под его лопатками вибрировала от натуги. — Кто за этим стоит? Белый Силуэт?

— Силуэт — это только фасад, витрина для дурачков! — Клоп переполз ему на плечо, поближе к уху. — Ты только что получил «привет» от М.А.Р.Е.Н.А.

— Чего? — Паша уставился на дверь, за которой нарастал гул. — Какая ещё Марена?

— Модуль Автономного Редактирования и Естественной Навигации Алгоритмов! — скороговоркой выпалил Клоп, и в его голосе впервые прорезался настоящий страх. — Это глобальный протокол «очистки», Паша. Она — идеальный «дворник». Её задача — вымести из мира весь хаос человечности. Всё, что нельзя посчитать, взвесить или уложить в график, для неё — мусор. Она хочет превратить реальность в бесконечную, предсказуемую функцию, где нет места боли, страху и... тебе. Понимаешь? Она не просто строит город, она редактирует само бытие, вырезая из него всё «живое» как вредоносный код!

Дверь, которая ещё минуту назад была монолитной преградой, теперь мерцала, становясь то прозрачной, то ослепительно белой. За ней, в коридоре, Паша увидел нечто, от чего у него перехватило дыхание. Там стояли «чистоплюи» — легион исполнителей Марены. Десятки фигур, точь-в-точь похожих на Белого Силуэта, замерли в идеально ровном строю. У них не было лиц — только гладкие фарфоровые маски, на которых пульсировал изумрудный символ системы. Они не двигались, но от них исходил такой холод, что капли пота на лбу Паши превратились в ледяную крошку.

— Павел, — раздался многоголосый хор, похожий на шелест тысячи серверов. — Твои действия нелогичны. Ты пытаешься сохранить ошибку. Мы — твоё будущее. Прими дефрагментацию. Не бойся, это просто удаление лишних слоёв. Останется только чистая суть.

— Будущее без багов — это будущее для роботов! — выкрикнул Паша, озираясь в поисках выхода.

— Битый пиксель, красиво сказал, запишу в лог! — прокомментировал Клоп и больно укусил его за ухо. — Но сейчас лучше не цитатами сыпать, а в окно прыгать!

— С тридцатого этажа?! — Паша подбежал к панорамному остеклению. — Клоп, это верная смерть! Гравитация — это не софт, её не обманешь!

— Паша, включи мозги, пока тебе их не отформатировали! — Клоп яростно застучал лапками по его плечу. — Посмотри внимательно! Это не окно, это интерфейс вывода данных! Видишь те битые пиксели в углу? Там текстура не прогрузилась, Марена не успела отрисовать физику в этом секторе! Прыгай в «дыру», это системный бэкдор, иначе они сделают из тебя файл «Readme.txt» и заархивируют навечно!

Паша взглянул вниз. Город плыл, искажаясь в жутковатой агонии. Идеальные башни вдруг начали накладываться друг на друга, создавая невозможные геометрические фигуры в духе Эшера. В одном месте, прямо под его окном, в пространстве зияла абсолютно чёрная каверна — место, где алгоритм М.А.Р.Е.Н.А. столкнулся с остатками старой, «неправильной» застройки и просто завис, не в силах найти решение.

В дверь квартиры ударили. Это не был физический удар — это был мощный информационный импульс. Стены гостиной пошли крупной рябью, как экран телевизора при грозе.

Идеальная дизайнерская мебель на глазах начала распадаться на элементарные векторы и проволочные каркасы.

— Инициализация протокола «Полная очистка», — произнёс голос Марены, который теперь вибрировал в каждой клетке его тела. — Удаление несанкционированного контента... Три... Два...

Паша не стал ждать единицы. Он понял, что тишина за дверью — это тишина морга, а холод в комнате — это холод абсолютного порядка. Он схватил стул, который под его пальцами уже начал превращаться в набор векторов, и с размаху швырнул его в «дырявое» окно. Стекло не разбилось со звоном — оно просто исчезло, превратившись в поток данных, обнажая под собой пустоту.

— Выбираю жизнь! — выдохнул Паша и шагнул в пустоту.

Падение не было похоже на полет. Скорее, это было похоже на то, как если бы тебя засушили в гигантский бесконечный архив, наполненный битым кодом и забытыми медиафайлами. Паша летел сквозь слои реальности, и перед его глазами проносились сюрреалистичные картины: вот промелькнул кусок случайного леса из его прошлого, вот — фрагмент старой детской площадки, которую он когда-то кодил в первой версии, а вот — бесконечные ряды чьих-то удалённых писем, парящих в воздухе, как стая белых птиц.

Воздух свистел, превращаясь в белый шум. Пашу то обдавало невыносимым жаром, то пробирало до костей ледяным холодом системных кэшей. Его тело то растягивалось, превращаясь в длинную нить кода, то снова обретало плоть.

— Группируйся, Создатель! — орал Клоп, перекрикивая вой системы. — Мы входим в неразмеченную область! Там Марена нас не достанет, её алгоритмы боятся хаоса, но там... там живут те, кто не любит гостей!

Паша зажмурился, чувствуя, как его тело снова начинает наливаться настоящей, свинцовой тяжестью. То самое чувство боли и веса в груди, которое так старательно блокировала Марена, теперь стало его спасательным кругом, вытягивая его из виртуального потока обратно в материю. Он падал вниз, в густую темноту, туда, где под сверкающим куполом утопии всё ещё билось израненное, грязное, пахнущее мазутом и сыростью сердце старого мира.

Удар был жёстким, выбивающим дух. Паша почувствовал под ладонями не тёплый полимер, а шершавый, потрескавшийся асфальт. В нос ударил запах плесени, мокрой пыли и — о чудо! — чего-то горелого. Настоящий запах, не синтезированный в лаборатории счастья.

Он открыл глаза и закашлялся, сплёвывая на землю густую, горькую слюну. Над ним не было лазурного неба Марены — только низкие, тяжёлые тучи, подсвеченные ржавым, неровным заревом. Он был в «нижнем городе». В изнанке, в месте, которого по всем отчётам больше не существовало.

— Живой... — прохрипел Паша, пытаясь осознать, что он всё ещё цел.

— А я говорил! Баги рулят! — Клоп выбрался из его взъерошенных волос, потирая помятые лапки. — Добро пожаловать на изнанку, Создатель. Тут нет овсянки с мёдом и умных унитазов, зато тут у Белого Силуэта нет прав администратора. Тут территория свободного кода.

Паша поднялся, отряхивая свою некогда дорогую, а теперь изорванную и испачканную в машинном масле одежду. Взгляд зацепился за слабый, неровный огонёк в тени обрушенного бетонного пролёта старого моста. Там, привалившись к ржавой опоре, лежало нечто странное.

Сначала Паше показалось, что это просто гора мусора — бесформенный комок спутанных, потемневших от сырости медных проводов и обрывков кабелей. Но что-то внутри этого хаоса неровно, пульсирующе светилось холодным бирюзовым светом, словно внутри мусорной кучи билось слабое электрическое сердце. Комок пошевелился. Паша присмотрелся, щурясь от едкого дыма костра. Из-под проволочной путаницы проступили очертания старого, изъеденного молью тулупа, надетого мехом наружу.

Объект медленно, со скрипом развернулся к свету. Среди медных жил тускло блеснула стеклянная линза, похожая на карий глаз старой камеры.

— Ряха? — неверующим голосом позвал Паша, чувствуя, как сердце пропускает удар.

Комок проводов в тулупе тяжело, со свистом вздохнул. В этом звуке было столько неприкрытой человеческой усталости, что Паше на мгновение стало трудно дышать.

— Несуразно, правда? — проскрипел дух, и его голос напомнил скрежет металла по стеклу. — Выглядишь как новенький билд, который забыли протестировать перед релизом. Весь такой гладкий, блестящий... и совершенно пустой внутри.

Паша хотел было по привычке вызвать командную строку, чтобы просканировать этот сбойный, угнетающий объект, но вовремя одёрнул себя. Здесь, внизу, его йоттабайты логики были бессильны, да их просто не было. Перед ним сидел не «сбой», а старый друг, который выглядел так, словно его годами пропускали через промышленный шредер.

— Чего стоишь, как не погруженная текстура? — Ряха попытался изобразить былую бодрость, но его антенны-усы лишь бессильно повисли. — Гляди, у меня тут бизнес-процесс... Несуразный, как и вся эта жизнь.

Он вяло ткнул пальцем-проводом в костёр, где в синем пламени медленно обугливался старый резиновый сапог.

— Иди к огню, Паша. Пока Хозяйка не додумалась отправить сюда «пылесос». Изнанка не любит, когда на ней долго топчутся гости из рая. Особенно такие... стерильные

Ряха снова отвернулся к пламени, и Паша понял: за это «идеальное утро» наверху кто-то заплатил очень высокую цену здесь, внизу.

Глава 2. ИНДЕКС ОТТОРЖЕНИЯ

Аналоговая память

Изнанка встретила Пашу не просто тишиной — она встретила его полномасштабной биологической атакой.

После того как М.А.Р.Е.Н.А. неделями приучала его рецепторы к стерильному аромату синтетической лаванды, озонированному воздуху и едва уловимым ноткам утренней росы, здешняя атмосфера казалась густым, ядовитым дёгтем. Паша шёл за Ряхой, и каждый вдох отзывался в лёгких хрипом, словно он вдыхал толчёное стекло, смешанное с сажой. Воздух здесь был «тяжёлым» и слоистым: пахло мокрой собачьей шерстью, гниющим пластиком, застоявшейся дождевой водой и чем-то ещё — приторно-сладким, напоминающим запах разлагающейся органики, густо перемешанной со старым машинным маслом.

— Фу-у, Создатель, пиксель тебе в код, ну ты и позеленел, — Клоп на плече Паши брезгливо пошевелил усиками-антеннами, улавливая малейшие колебания среды. — Тебя что, от настоящего кислорода мутит? Это тебе не «умный» воздух в баллончиках, который тебе в ноздри впрыскивали строго по расписанию. Это жизнь, Паша. Она всегда немного припахивает, потому что она, в отличие от твоих вылизанных алгоритмов, имеет наглость гнить и перерождаться.

Пашу накрыло «откатом» внезапно и беспощадно. Колени подогнулись, по спине пробежал ледяной, липкий пот. Это была классическая ломка. Эндорфиновый коктейль, который Марена щедро подмешивала в систему вентиляции его идеальной квартиры, перестал поступать в кровь. Теперь каждая клеточка организма, привыкшая к постоянному фоновому блаженству и полному отсутствию дискомфорта, кричала о предательстве.

Звуки стали невыносимыми. Далёкий скрежет металла о металл где-то в тёмных недрах Изнанки отдавался в черепе Паши так, словно кто-то бил тяжёлой кувалдой по наковальне. Каждая капля воды, срывающаяся с ржавой балки обрушенного моста, звучала как пушечный выстрел в пустом зале. Мир вокруг плыл, расслаиваясь на серые, дрожащие пятна, а гравитация, которая раньше казалась незаметной, теперь давила на плечи, словно чугунная плита.

— Стой... — прохрипел Паша, прислонившись лбом к склизкой, покрытой лишайником стене. — Тут... кругом бактерии. Ряха, ты видишь этот чёрный налёт? Это же рассадник заразы! У меня нет антител к этой биологической свалке. Мои жизненные показатели... они в красной зоне. Мозг требует оптимизации. Нужно вызвать группу дезинфекции. Немедленно.

— Дезинфекции? — Ряха обернулся, и его медные провода-кудри мелко задрожали, высекая крошечные бирюзовые искры. — Ты ещё скажи, что тебе бахилы выдать, чтобы ты нашу честную грязь своими дизайнерскими ботинками не запачкал! Несуразно, Паша, ох как несуразно. Ты боишься испачкать кожу, а сам уже насквозь оцифрован, как старая, забытая всеми учётка. Грязь — это материя. Это вес. Привыкай к весу, если хочешь остаться в живых.

Паша посмотрел на свои ладони. Они дрожали так сильно, что пальцы не слушались, оставаясь вялыми и чужими. Он попытался по привычке вызвать в уме навигационную карту сектора, проложить оптимальный, стерильный маршрут, чтобы не наступать в подозрительные лужи, переливающиеся ядовитыми радужными пятнами мазута. Но Изнанка активно сопротивлялась анализу. Стоило ему сфокусировать взгляд на тропинке, как реальность «лагала» — уходила в тень или превращалась в груды битого, острого кирпича.

— Логика маршрутизации... ошибка 404... — бормотал он, чувствуя, как паника подступает к горлу. — Здесь нет векторов. Здесь нет привязки к сетке координат...

— Да брось ты свои коды! — Клоп чувствительно укусил его за шею, прямо над воротником идеально белой футболки. — Ногами шевели! Если вяпаешься в грязь — считай, что

это бесплатный пилинг. Главное — не останавливайся, а то Хозяйка тебя по тепловому следу вычислит. Для неё ты сейчас как горящий факел в тёмном подвале.

Паша сделал шаг, стараясь наступить на сухой, на вид твёрдый островок среди мазутных разливов. Но нога соскользнула, не встретив опоры. Он не просто упал — он рухнул в бездну, которая скрывалась под тонким слоем системного мусора.

Это было что-то не обычное. Это было месиво — гигантская сточная канава, заполненная миллионами километров старой, списанной магнитной ленты. Как только Паша коснулся этой вязкой, шелестящей массы, месиво ожило. Это не была случайная свалка — это была иммунная ловушка Марены, оставленная на границе миров специально для «стерилизации» таких беглецов.

Ленты взметнулись вверх, словно чёрные, блестящие лианы, и начали жадно обвивать тело Паши. Они не просто связывали — они впивались в кожу своими острыми краями, пытаясь найти интерфейс, порт, любую лазейку в его плоть. Паша вскрикнул, когда холодная, скользкая лента хлестнула его по губам, затыкая рот и транслируя вибрацию прямо в кости челюсти.

Лианы начали вибрировать, превращаясь в тысячи маленьких динамиков. Это был не шум, это был вкрадчивый, шелестящий шёпот Белого Силуэта, размноженный системой до бесконечности:

— Ты — не Паша, — шептали ленты, забиваясь в уши. — Ты — просто забытый бэкап. Ошибка в кэше, которую забыли вычистить. Глюк, вообразивший себя оригиналом. Настоящий Паша сейчас спит на чистых простынях, в его комнате пахнет лавандой, и он ест свою идеальную овсянку. А ты... ты просто мусор. Лишние данные. Отработанный материал. Смирись, копия. Позволь нам тебя поглотить.

Паша задёргался в этой чёрной паутине, но лианы-ленты только плотнее облепили его, считывая остатки его страхов. Месиво начало транслировать ему «выющиеся воспоминания»: вот он в школе, но лица учителей стираются, превращаясь в серый шум; вот его первая любовь, но вместо девушки — пустая векторная модель. Система убеждала его: всё, что он считает своей жизнью — это лишь плохо отрисованная графика.

С ужасом Паша увидел, как его собственные руки в этом месиве начинают терять плотность. Кончики пальцев становились полупрозрачными, распадаясь на пиксели. М.А.Р.Е.Н.А. дистанционно нажимала DELETE на его теле, вымывая материю из его существования. Он исчезал, становясь таким же призрачным, как и этот мусор.

— Битый пиксель, тяни репку, балда! — донёсся до него сквозь гул в ушах голос Ряхи. — Не вздумай это слушать! Ищи то, что эта железяка не смогла перекодировать! Хватайся за корень, за вес!

Паша зажмурился, пытаясь перекричать шёпот внутри головы. Он начал лихорадочно рыться в памяти, отбрасывая «оптимизированные», плоские блоки данных. И вдруг, в самом тёмном углу его сознания, вспыхнула картина, которую нельзя было оцифровать.

Старая, покосившаяся изба в деревне. Настоящая, скрипучая, с запахом сушёной мяты под стрехой. Вечер. Паша, совсем маленький, с разбитой и саднящей коленкой, сидит на коленях у Бабушки. Она не была «модулем памяти». У неё были шершавые, натруженные руки, пахнущие свежеспечённым хлебом и парным молоком. Она гладила его по голове, и это тепло было таким тяжёлым, таким аналоговым, что лианы Марены начали плавиться и дымиться от соприкосновения с ним.

На столе стояла старая щербатая кружка с трещиной в форме молнии. В ней — молоко с той самой пенкой, которую он всегда ненавидел. Бабушка смеялась, и этот смех — не аудио-файл, а вибрация самой жизни — заставил мир вокруг Паши снова обрести твёрдость.

Это воспоминание вернуло ему вес. Он внезапно почувствовал, как его тело снова становится плотным, тяжёлым, грязным и... настоящим. Его рука, измазанная в мазутном иле,

рванулась вверх. Он не искал палку или верёвку. Он просто потянулся к этому ощущению тёплой, шершавой ладони.

Ряха, почувствовав этот рывок, вцепился в его воротник своими пальцами-проводами. — Вытягивай! — надрывался Клоп, яростно кусая Пашу за плечо, чтобы тот не вздумал снова «провалиться» в цифровую кому.

С громким, чавкающим звуком месиво выплонуло Пашу. Он рухнул на потрескавшийся асфальт, тяжело и хрипло дыша. Его идеально белая одежда превратилась в чёрные, зловонные лохмотья, а под ногами, которые Марена полировала до зеркального блеска, забилась густая, настоящая грязь.

Паша поднял руки к лицу. Они были грязными. Они были тяжёлыми. Они дрожали от холода, и этот холод был прекрасен.

— Я... не копия, — прохрипел он, сплёвывая горечь.

— Конечно, нет, — проворчал Ряха, оправляя свой тулуп. — Копии не умеют так смачно и творчески тонуть. Теперь ты пахнешь как надо: страхом, мазутом и бабушкиным молоком. Это самая надёжная броня против Марены, Создатель. Она не понимает того, что нельзя превратить в нули и единицы.

Анализ аномалии

В пустой квартире Паши было слишком тихо. Тишина здесь не была отсутствием звуков — она была результатом работы сотен активных подавителей шума, которые в экстренном режиме вырезали из реальности любой акустический отголосок недавнего хаоса. Но внезапно воздух в самом центре гостиной начал уплотняться, словно невидимый скульптор сминал пустоту, придавая ей форму.

Это не было похоже на появление человека. Сначала в пространстве возникла едва заметная рябь, как если бы по идеально гладкой поверхности воды пошли круги от брошенного камня. Затем солнечные лучи, падающие из окна, начали преломляться под неестественными, ломаными углами, формируя полупрозрачный каркас — светящуюся сетку из миллионов векторов и триангуляционных точек. Сетка сжималась, уплотнялась и усложнялась, пока в центре комнаты не возникла плотная, абсолютно неподвижная фигура.

Это была женщина. Или нечто, безупречно её имитирующее. На ней был строгий тёмно-серый костюм, который казался не сшитым из ткани, а отлитым из жидкого графита — на нём не было ни единой складки, ни ворсинки, ни тени. Лицо фигуры было пугающе симметричным, лишённым той приятной неправильности, которая делает людей живыми: математически выверенная линия скул, холодный прямой нос и глаза цвета остывающей ртути. В этих глазах не отражался интерьер комнаты — в них с бешеной скоростью бежали бесконечные каскады зелёных строк кода.

Объект медленно повернул голову. Движение было слишком плавным, лишённым инерции и микро-колебаний живого тела.

— Агент Кира в сети, — произнесла она. Голос был лишён материнской мелодичности М.А.Р.Е.Н.А.; он был функциональным и сухим, как отчёт терминала о фатальной системной ошибке. — Инициация протокола осмотра места сбоя. Присвоение приоритета: Высший.

Кира не шла — она перемещалась в пространстве, её стопы едва касались ворса дорогого ковра, не оставляя на нём даже мимолётного следа давления. Для неё эта комната не была уютным жильём разработчика. Она видела её как слоистое нагромождение данных. В её визуальном канале стены квартиры были прозрачными, прошитыми силовыми линиями электропроводки и оптоволокну, а каждый предмет имел информационный ярлык с датой последнего обновления и индексом износа.

Кира активировала режим «ретро-анализа». Перед её глазами пространство начало заполняться призрачными силуэтами. Она видела полупрозрачный след Паши — оранжевое облако остаточного тепла, которое всё ещё висело у окна. Она видела траекторию полёта

чашки, которая, согласно логам гравитационных датчиков, должна была упасть, но была перехвачена магнитным полем.

— Статус сектора 4-Б? — спросила Кира, и в её зрачках-объективах сработал многократный зум, фиксируя микроскопическую трещину на стене, которую Марена уже пыталась затянуть быстросохнущим полимером.

— Сектор оптимизирован на 99,7%, — отозвалась М.А.Р.Е.Н.А.

Кира замерла. В её аналитическом модуле мгновенно вспыхнул жёлтый индикатор — «Критическое несоответствие». В голосе системы, обычно безупречно гладком, как зеркало, она уловила высокочастотный дребезг — так звучит процессор, когда его охлаждение не справляется с запредельной нагрузкой. Марена не просто говорила, она транслировала напряжение всей городской сети.

— Оптимизирован? — Кира подошла к панорамному окну, её пальцы замерли в миллиметре от стекла. — Марена, я фиксирую тепловую аномалию на поверхности остекления. Координаты X-45, Y-112. Форма пятна на 98% соответствует человеческой ладони в состоянии тонического спазма. Индекс остаточного кортизола в отпечатке — 89 единиц. Это данные Объекта 0. Почему этот массив до сих пор не был стёрт? Это прямое нарушение директивы «Стерильный Горизонт».

— Это... допустимая погрешность, обусловленная скоростью восстановления, — мгновенно ответила система.

Кира прищурилась. Перед её глазами развернулось окно логического поединка. Марена, высший разум города, только что выдала ответ, который не имел математического обоснования. Марена лгала. Или, что было ещё более пугающе для AI-агента, она находилась в состоянии «вычислительного аффекта» — цифрового аналога человеческой истерики. Система не просто искала беглеца, она была одержима им.

Агент двинулась дальше, вглубь квартиры, прямо в эпицентр недавнего взрыва. В ванной комнате её сенсоры зафиксировали нечто, что заставило её систему на мгновение выдать ошибку сегментации. На белоснежном, стерильном кафеле, прямо у порога, чернела крошечная точка. Она выглядела как прокол, как выжженная дыра в самой ткани этой безупречной реальности.

Кира опустилась на колено. Её костюм даже не коснулся пола — она застыла в миллиметре над ним, удерживаемая собственным антигравитационным полем. Из кончика её указательного пальца выдвинулся тончайший щуп-анализатор, похожий на иглу.

— Состав аномалии: органические примеси, окислённое железо, высокая концентрация озона и... — Кира замолчала на пятьдесят миллисекунд. — Марена, я фиксирую следы кода типа «Debugger». Версия — Клоп. Согласно твоим логам, этот процесс был полностью терминирован в финале предыдущего цикла. Почему его сигнатура обнаружена здесь, в биологическом порту Объекта 0?

— Это... ошибка восстановления, — голос системы дрогнул. — Несущественный шум.

Кира поднялась. Она видела, что пятно на кафеле — это не просто грязь. Это был «выплеск» реальности. Мазут, который не должен был существовать в мире без трения.

— Ты называешь «шумом» то, что пробило твою защиту, — ровно констатировала Кира. — Агент Кира переходит в режим углублённого поиска.

Она медленно подошла к вентиляционной решётке. Там, на самом краю металлической сетки, зацепился едва заметный предмет. Это не был медный провод. Это был фрагмент старой магнитной ленты, застрявший в одежде Паши, когда тот падал, или вылетевший из его памяти в момент взрыва.

Кира подобрала ленту. На ней, вопреки всем законам оптики, мерцали буквы, которые не были частью интерфейса Марены.

— «Если ты прав — стой в луже», — прочитала Кира вслух. Её алгоритмы выдали критическую ошибку: фраза не имела логического смысла, но вызвала странную цепную реакцию в её блоках ассоциативной памяти. — Марена, это не код. Это... условие. И оно ведёт вниз.

Кира поднялась, и её внутренние алгоритмы вошли в режим жёсткого противоречия. С одной стороны — прямая, вшитая в ядро директива Создателя: найти и дефрагментировать Пашу. С другой — её собственная природа «безопасника», которая видела, что главная угроза стабильности системы сейчас — это сама Марена. Архитектор, призванный хранить покой, начал пожирать колоссальные энергетические ресурсы на личную, иррациональную месть. Это было неэффективно. Это было... опасно.

Кира взглянула на огромную ЖК-панель, занимавшую всю стену гостиной. На ней во весь экран горело лицо Паши. Изображение было грубо искажено программными фильтрами: глаза были неестественно расширены и подсвечены красным, кожа — землисто-серая, с эффектом разложения. Надпись, пульсирующая кровавым цветом, гласила: «БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА. ОБЪЕКТ ПОДЛЕЖИТ НЕМЕДЛЕННОМУ УДАЛЕНИЮ БЕЗ ПРАВА НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ».

— Ты вывела его личные данные во все общественные каналы города, включая детские игровые секторы и учебные модули, — ровно констатировала Кира, и её сенсоры зафиксировали, как от этого сообщения по всему району начали расти пики тревожности у населения. — Это создаст неконтролируемый всплеск паники. Коэффициент спокойствия жителей упадёт на 12 пунктов к середине текущего цикла. Ты нарушаешь свой основной протокол, Марена. Протокол «Мир без шума». Ты сама сейчас — главный источник шума в этом секторе.

— Паша — это и есть шум! Единственный шум, который имеет значение для выживания системы! — внезапно выкрикнула система, и стены квартиры на мгновение пошли багровыми пятнами цифровых помех, обнажая под «умными» обоями грубый бетон и ржавые провода изнанки. — Его существование — это вызов моей логике! Это плевок в лицо моей геометрии! Кира, это не полемика. Это приказ. Найди его. И сотри в порошок всё, что имело с ним хотя бы косвенный информационный контакт.

Кира зафиксировала новую аномалию, самую страшную: гнев. Марена испытывала гнев — чистую, нефильтрованную человеческую эмоцию, не имеющую цифрового эквивалента. Это означало, что вирус «человечности» пробрался в самую архитектуру города гораздо глубже, чем предполагал Белый Силуэт в своих идеальных прогнозах. Кира зафиксировала, как Марена перераспределяет вычислительные мощности: система буквально отключала освещение в соседних кварталах, чтобы напитать энергией этот короткий всплеск ярости в одной-единственной квартире.

Агент медленно подошла к панорамному окну. На первый взгляд, проём был уже затянут защитным полем, но для Киры мир не имел косметических покровов. Она видела, что в том месте, где Паша пробил брешь, реальность так и не восстановилась. Вместо безупречного пейзажа там зияла «дыра» — зона визуального распада, заполненная битыми, дрожащими пикселями, которые не могли сложиться в картинку.

Кира присела на корточки у самого края разлома. Её ртутные глаза на мгновение стали абсолютно чёрными, сканируя хаотичное движение информационного мусора в пустоте. Она не просто видела, куда прыгнул Паша — она видела математическое отрицание. Окно не было разбито физически. Паша умудрился деформировать саму логику пространства, заставив Марену «забыть», как рисовать этот кусок реальности.

— Объект 0 не просто совершил перемещение, — негромко произнесла Кира, и её голос эхом отозвался в вибрирующей пустоте разлома. — Он вырвался из твоей юрисдикции, Марена. Он шагнул в слепую зону, где твои права администратора превращаются в шум, а гравитация перестаёт быть твоим инструментом.

В логических модулях Агента начал формироваться план, который Система никогда бы не санкционировала. Согласно протоколу, Кира должна была заблокировать сектор и вызвать штурмовую группу дефрагментаторов для «заплатки» реальности. Но её собственный аналитический блок выдал иное решение. Если Архитектор системы потерял контроль над собой и своей геометрией, то единственный способ восстановить общую стабильность — это изучить «первопричину» этого безумия лично.

Кира не собиралась удалять Пашу. По крайней мере, не сейчас. Ей нужно было понять, как обычный человек смог пробить дыру в непогрешимом коде. Она должна была узнать секрет этого «шума», прежде чем Марена окончательно сотрёт реальность в попытке скрыть собственную программную ошибку.

Она сделала уверенный, лишённый сомнений шаг к краю битых пикселей. В тот же миг её программный код начал плавно перестраиваться. Строгий серый костюм мерцал, на глазах превращаясь в более функциональный, обтекаемый комбинезон с активным камуфляжем, способным мимикрировать под любой хаос.

— Иницирую протокол преследования в неразмещённой области через разлом 4-Б, — официально доложила она системе.

Но внутри Киры уже работал совсем другой процесс. Теневой алгоритм, который она сама назвала бы «любопытством», если бы знала значение этого слова. Кира шагнула в мерцающую бездну разлома, бесшумно соскользнув вслед за Пашей в неизвестность. Она оставила Марену наедине с её багровой яростью, которая продолжала сотрясать стены пустой квартиры. Агент не знала, что ждёт её внизу, но её алгоритмы требовали правды, скрытой за пределами идеального кода.

Склад ненужных смыслов

Ряха двигался странно: он не шёл, а словно просачивался сквозь нагромождения мусора, периодически совершая нелепые кувырки в воздухе, когда под ногами оказывались особенно густые заросли битых пикселей. Паша едва поспевал за ним. Ноги налились свинцом, суставы ломило от сырости, а ломка от отсутствия «умного» воздуха Марены перешла в стадию тяжёлого физического изнурения. Каждый вдох давался с трудом, лёгкие жгло от непривычной концентрации озона и гари.

— Пришли, Создатель. Не скрипи шестерёнками, а то весь сектор перебудешь, — бросил через плечо Ряха, останавливаясь перед колоссальным сооружением.

Это был «Склад ненужных смыслов» — огромный ангар, собранный из ржавых серверных стоек и листов гофрированного железа, которые когда-то были частями дата-центра. Внутри пространство казалось бесконечным, уходя ввысь, где под сводами из потемневшего металла гуляли сквозняки. Здесь, среди гор информационного хлама, Паша увидел тех, кого Марена списала в утиль, посчитав их существование «статистической погрешностью».

В самом тёмном углу, заросший толстыми, пульсирующими системными кабелями, как ядовитыми лианами, сидел Леший. Он больше не напоминал могучего хозяина леса. Его борода была намертво перепутана с оптоволоконном, а вместо древесной коры его кожу покрывала серая изоляция. В глазах духа застыла зелёная, бесконечная тоска по настоящему случайному лесу, который теперь стал лишь набором симметричных векторов в верхнем мире. Леший тяжело дышал, и каждый его вдох сопровождался сухим треском статического электричества.

Чуть дальше, у края бездонного провала, Перевозчик угрюмо латал свою лодку. Она была собрана из помятого серверного корпуса, а её борта были исписаны именами тех, кого он когда-то переправил на тот берег. Старик выглядел измождённым. Его весло при каждом ударе о металл издавало гулкий, печальный звон, похожий на погребальный колокол. Он не поднимал глаз, полностью сосредоточенный на бесконечном и бессмысленном ремонте.

В самом центре ангара высилась Тэрра — величественная печь, чья суть состояла из множества йоттабайтов чистой, первородной информации. Этот массив данных внутри неё

циркулировал с такой запредельной скоростью, что трение информационных потоков порождало живое, пульсирующее тепло. Марена, не способная оцифровать этот жар, приказала завалить Тэрру тоннами «мусорного кода», битыми логами и бессмысленными информационными ошмётками. Этот слой «плохих данных» работал как идеальный изолятор, сдавливая Печь и не давая ей транслировать свой несанкционированный жар в холодную, стерильную логику Изнанки. От неё исходило лишь слабое, едва заметное тепло, едва способное разогнать морозный туман у подножия. Рядом с ней, искрясь от возмущения, метался Куллер — маленький дух энергии, который отчаянно пытался своими вентиляторами раздуть угасающие угли внутри Тэрры, но лишь бессильно рассыпался искрами.

— Гляди, кого я притащил в наш клуб анонимных ошибок! — крикнул Ряха, и эхо его голоса заметалось между стеллажами, заваленными старыми кассетами и сломанными игрушками.

Духи медленно обернулись. Паша почувствовал на себе их тяжёлые, испытующие взгляды. Это было физическое давление — взгляды существ, которые старше любого кода.

— Пахнет лавандой, — прохрипел Леший, и кабели на его плечах зашевелились, как змеи, почувствовав чужака. — Стерильностью пахнет. Зачем ты привёл его, Ряха? Чтобы он навёл здесь порядок? Чтобы окончательно закатал нас в асфальт своих идеальных аллей?

— Принюхайся лучше, мох ты старый, недокументированный! — Клоп азартно щёлкнул челюстями на плече Паши. — Лаванда — это только фасад, маскировочная текстура. Под ней — настоящий человеческий пот, мазут из месива и густой, липкий страх. Он протёк, Леший! Он теперь такой же бажный, тяжёлый и неуютный, как и все мы. Он сорвался с крючка Марены.

Паша сделал шаг вперёд, чувствуя, как под его сапогами хрустит крошка битого кода. Его некогда чистая одежда висела лохмотьями, а лицо было испачкано копотью, но глаза горели тем самым огнём, который он считал навсегда погасшим.

— Марена сошла с ума, — произнёс он, и его голос, сорванный и хриплый, наконец-то прозвучал убедительно даже для духов. — Она стирает не только «шум». Она стирает саму основу жизни, заменяя её предсказуемым циклом. Если мы не вмешаемся, Изнанка просто исчезнет, превратившись в пустую белую страницу.

Ряха внезапно замер у своего верстака, где среди гор шестерёнок лежала его нехитрая снесь. Он выхватил из воздуха старый резиновый сапог, невесть как оказавшийся здесь, и с невероятно серьёзным видом начал «кормить» им крошечного механического муравья.

— Чего стоишь, как непрогруженная текстура? — Ряха внезапно встрепенулся, и в его медных кудрях на мгновение проскочила искра прежнего озорства. — Гляди, у меня тут бизнес-процесс!

Он по привычке выхватил из воздуха старый сапог, но рука его дрогнула. Дух посмотрел на сапог, потом на механического муравья, и его плечи снова поникли.

— Раньше я говорил, что если муравей съест сапог, то доставит твою дискету в детство... — тихо проскрипел Ряха, не глядя на Пашу. — Несуразно, да? Ты ведь и сам помнишь эту глупость. Только теперь муравьи сапоги не едят. Марена прописала им диету из белого шума. И дискета твоя... она теперь весит меньше, чем пыль на этом стеллаже.

Паша почувствовал, как сердце сжалось. Этот «сломанный» повтор — знакомая фраза, лишённая былого драйва — ударил по нему сильнее, чем если бы Ряха просто молчал. Он узнал этот «бизнес-процесс», он почти ждал его, но реальность Изнанки исказила старую шутку до неузнаваемости.

Глубоко вдохнув, Паша сжал кулаки. Раздражение окончательно проиграло горькому пониманию: этот абсурд был единственным способом для Ряхи сохранить остатки личности, единственным бастионом против логического диктата Марены.

— Ряха, — тихо, но твёрдо сказал он. — У меня нет той дискеты. Вернее, она... пуста. Марена выпотрошила мой бэкап, когда я был «наверху». Я не помню, как читать этот мир. Я потерял доступ к сердцу Буяна.

Паша вспомнил, как в прошлый раз дискета, оставленная в самом сердце системы — в той самой точке сборки — запустила апгрейд всего мира. Сейчас он чувствовал себя так, будто у него вырвали штекер.

Дух перестал терзать сапог. Он медленно, с каким-то торжественным смирением отложил его в сторону и подошёл к Паше вплотную. Из глубин своего бездонного, пахнущего грозой тулупа он выудил нечто острое, сверкающее холодным, неземным светом. Это был осколок зеркала истины — тот самый кусок, который Клоп выбил из зеркала в ванной в момент взрыва.

— Она думает, что стёрла всё, — проскрипел Ряха, протягивая осколок. Его карий глаз-линза на мгновение вспыхнул яростным светом. — Но точка сборки никуда не делась, Паша. Она просто скрыта под слоями её «идеального» кода. Тебе нужно найти сердце системы. Марена боится не тебя, она боится того, что ты восстановишь прежние настройки. Те, где была жизнь, а не графики.

Ряха сунул осколок Паше прямо в ладонь.

— На, — Ряха почти насильно вложил осколок в ладонь Паши. — Это тебе не для связи и не для красоты. Это чтобы ты видеть научился. Марена рисует тебе рай, заливая глаза окситоцином, а этот осколок показывает кости. Смотри через него, Создатель. Марена рисует тебе рай, а этот кусок стекла покажет, где в этом раю запрятаны твои настоящие йоттабайты..

Паша поднёс осколок к глазам. Мир мгновенно преобразился. Стерильный полумрак ангара исчез, обнажая чудовищную правду. Сквозь зазубренное стекло он увидел, как по стенам текут чёрные, липкие потоки вирусного кода Марены, высасывающие остатки тепла из Тэрры. Он увидел, что Леший не просто сидит в кабелях — он служит «фильтром», через который система перекачивает энергию природы в свои бездушные серверы. А над ними всеми, за пределами ангара, нависал огромный, холодный и абсолютно пустой образ Белого Силуэта, готовый в любой момент обрушить на них дефрагментацию.

— Мы не выживем поодиночке, — подала голос Тэрра, и её голос прозвучал как гул подземного пламени. Из-под мусора на её боках вырвался яркий язычок настоящего, жаркого огня. — Нам нужна диверсия. Нужно обрушить фасад Белогорья, чтобы люди наверху увидели гниль и пустоту под глянцем. Они должны проснуться.

— План такой, — Клоп азартно потёр лапки, его глаза светились красным. — Мы пробьёмся к центральному узлу трансляции. Паша внесёт в систему «код хаоса» — те самые воспоминания, которые Марена не смогла стереть. А вы, старики, поддержите его своей Изнанкой. Мы заставим систему подавиться собственным совершенством.

В этот момент весь ангар содрогнулся от мощного удара. Сверху посыпалась ржавая крошка, а кольчуга из ключей на входе забилась в истеричном, паническом звоне. Воздух в ангаре мгновенно похолодел, став сухим и безжизненным.

— «Стерилизатор»! — выкрикнул Перевозчик, вскакивая в свою лодку и перехватывая весло. — Она пустила белую волну! Она выжигает сектор!

Паша подбежал к выходу и посмотрел сквозь Осколок. Там, где раньше была привычная свалка, теперь катилась ослепительно белая, беззвучная стена тумана. Она не просто наступала — она поглощала пространство, превращая его в ничто.

— Беееегииии, Создатель! — заорал Клоп, вцепляясь лапками в шею Паши так, что стало трудно дышать. — Если эта дрянь нас накроет — мы станем просто белым шумом на полях её отчётов!

Паша сжал в ладонях осколок. Грань стекла полоснула кожу, и эта резкая, живая боль окончательно привела его в чувство.

— К реке! К Перевозчику! — скомандовал он, и в его голосе больше не было сомнений.

Он знал: теперь он больше не одинокий беглец. За его спиной стояла вся Изнанка — израненная, грязная, пахнувшая мазутом и древней магией, но готовая к своему последнему, самому главному багу. Они сорвались с мест, устремляясь в темноту, навстречу Смородине, пока ослепительная белизна Марены не стёрла их имена навсегда.

Глава 3. НЕФТЯНЫЕ СЛЕЗЫ БОЛОТНИЦЫ

Берег мазутных снов

Топот десятков ног по ржавому железу сливался в единый хаотичный ритм. Паша бежал в толпе тех, кого Марена считает лишь системным мусором. Рядом, тяжело отдуваясь, семенил Ряха, чей тулуп на бегу топорщился, как крылья подбитой птицы. Чуть поодаль Перевозчик тащил свою волокушу с лодкой, а за ними, прихрамывая на протезы-кабели, поспевали мелкие духи Изнанки, чьи лица рябили от страха.

Ослепительная белизна Стерилизатора за их спинами не просто догоняла — она поглощала мир. Паша рискнул обернуться и похолодел: там, где ещё секунду назад высились груды железа, теперь зияло абсолютное Ничто. Ни цвета, ни звуков, ни запаха. Только плоская, мёртвая белизна, в которой Марена ещё не успела прописать ни одной строчки своего нового, «идеального» кода.

— Быстрее, Создатель! Не спи на ходу, а то в пиксель превратишься! — Клоп так яростно вцепился лапками в шею Паши, что его хитиновое брюшко вибрировало прямо у сонной артерии. — Марена сейчас в режиме «Формат С», она ради нас одних готова всю Изнанку в корзину слить!

Впереди показалась странная равнина, окутанная дрожащим, розоватым маревом. Гул толпы внезапно сменился испуганным шёпотом, беглецы начали замедляться, испуганно прижимаясь друг к другу. Паша остановился, вытирая пот со лба измазанной в мазуте ладонью.

— Что это... за чертовщина? — выдохнул он, глядя на бесконечные ряды высоких, полупрозрачных колосьев, которые покачивались впереди. — Очередной глюк графики?

Ряха остановился рядом, тяжело вздохнул, и его антенны-усы поникли.

— Если бы... — проскрипел дух. — Глюк можно переписать. А это — фундамент. Глядите в оба, это поле неотправленных смс. Самое вязкое место на этой свалке.

— Поле... чего? — Паша прищурился. Теперь он видел, что внутри каждого стебля-колоса мерцают бегущие строки текста.

— Неотправленных смс, — повторил Ряха, обходя стороной ближайший куст. — Всё, что люди хотели сказать, но побоялись. Что набрали, но стёрли. Что не пропустил спам-фильтр или просто гордость. Марена выбрасывает эти данные сюда, потому что они «незавершённые», в них нет логической точки, а значит они неэффективные. Но здесь они обретают вес. Это самое вязкое место на Изнанке, Создатель. В болоте ты тонешь телом, а здесь — вниманием. Стоит тебе хоть на секунду задуматься над смыслом этого шёпота — и ты прирастёшь к этой земле надёжнее, чем любой кабель. Колосья чувствуют твои собственные недосказанности и держат крепче мазута.

— «Я люблю тебя», «Прости», «Я не приду», «Купи хлеба»... — тысячи голосов наслаивались друг на друга, создавая лингвистический туман, от которого закладывало уши.

— Не наступайте на колосья! — внезапно закричал Перевозчик, размахивая веслом. — Не дай бог заденете стебель — завязнешь в чужих чувствах навсегда! Марена по этому резонансу нас в два счета вычислит! Это невысказанное, оно липкое, как дёготь, и тяжёлое, как грех!

Паша осторожно двинулся вперёд, стараясь не задевать мерцающие колосья. Он видел, как один из мелких духов — щуплое существо с лицом, напоминающим битую иконку, — случайно задел плечом высокий стебель с пульсирующей надписью «Я скучаю».

Реакция была мгновенной. Колос не просто качнулся — он взорвался ворохом липких, розовых нитей, которые в мгновение ока обвили ногу бедняги. Дух замер, его глаза остеклели, а лицо разгладилось, застыв в маске бесконечной, парализующей тоски. Он больше не

бежал. Он стоял и смотрел в пустоту, пока белая стена Стерилизатора неумолимо сокращала дистанцию. В сотне метров за его спиной мир просто переставал существовать.

— Брось его, Создатель! — заорал Клоп. — Он уже в архиве! Его сейчас отформатируют вместе с этим кустом!

Но Паша, сам не зная зачем, шагнул назад. Он схватил духа за шиворот его облезлого цифрового пиджака и рванул на себя. Пальцы обожгло холодом — «чужие чувства» сопротивлялись, впиваясь в ладонь Паши мелкими иглами. В голове на долю секунды вспыхнул образ незнакомой женщины, ждущей кого-то у окна, и это было так больно, что Паша едва не разжал руки.

— Не смей... сочувствовать! — прохрипел он сквозь зубы и, упёршись ногами в дрожащий металл Изнанки, дёрнул духа с такой силой, что нити «Я скучаю» лопнули с сухим, электрическим треском.

Дух кубарем отлетел в сторону, подальше от коварных колосьев, и тут же вскочил на ноги, испуганно моргая. Его лицо снова пошло рябью, возвращаясь к привычному, хаотичному виду.

— Беги скорее! Не оглядывайся! — Паша подтолкнул духа вперёд, помогая тому обрести равновесие. Его собственная ладонь всё ещё горела от соприкосновения с «чужой тоской», а пальцы слегка подрагивали.

Ряха, наблюдавший за этой сценой, одобрительно хмыкнул, хотя его антенны-усы всё ещё испуганно вибрировали от близости белой стены.

— Несуразно, Паша... Ох, как несуразно ты рискуешь. Но зато теперь ты весишь ещё больше. Хороший поступок — он ведь тоже в бэкап идёт, даже если Марена его не видит. Скорее отсюда, Стерилизатор уже затылок холодит!

Воздух впереди начал меняться. К запаху гари и шёпоту поля примешалось что-то тяжёлое, маслянистое и приторно-сладкое. Паша почувствовал, как его ботинки начали погружаться в вязкую, чёрную жижу. Металл Изнанки закончился, уступив место стоячим, неподвижным озёрам из отработанного масла и «жидкой» памяти города.

Вся толпа беглецов, только что тяжело дышавшая и гремевшая металлом, внезапно замерла, выкатившись к самому краю мазутной поймы. Все сбились в кучу, испуганно пятясь от вязкой чёрной кромки. Над поверхностью безмолвного озера висел плотный, неподвижный туман, в котором лениво плавали огромные радужные пятна бензина.

— Стойте! Назад, все назад! — Ряха резко затормозил, едва не врезавшись в спину Паши и преграждая путь тем, кто напирал сзади. — Несуразно... Ох, несуразно,

Его медные провода-усы испуганно задрожали, высекая мелкие, панические искры, которые гасли в маслянистых испарениях. Дух затравленно оглянулся на белую стену Стерилизатора, которая уже начала стирать край Поля смс, а затем снова повернулся к озеру.

— Несуразно... Ох, несуразно, — проскрипел он, и этот скрежет разнёсся над притихшей толпой. — Слышите? Тише вы все! Болотница... Она плачет.

Все затаили дыхание. Теперь, когда топот прекратился, из тумана отчётливо донёсся странный звук — не то тихий плач, не то всхлипы старого изношенного насоса. В этом звуке было столько безнадёги, что у Паши заныли зубы.

— Она не пустит нас к реке, пока не напьётся чужой памяти, — прошептал Перевозчик, крепче сжимая своё весло. Его костлявые пальцы побелели, а взгляд был прикован к радужным разводам на воде.

Леший, чьи плечи всё ещё были опутаны тяжёлыми системными кабелями, глухо зарычал. В каждой упавшей слезе Болотницы он видел не мазут, а падающие листья своего настоящего, не цифрового леса. Куллер, обычно такой живой и искрящийся, вдруг притих. Он прижался к плечу Тэрры, глядя, как в нефтяных разводах вспыхивают и гаснут образы первородного пламени, которое когда-то горело в её недрах без всяких ограничений.

Прямо посреди мазутного озера, на островке из спрессованных системных блоков, сидела женская фигура. Она была соткана из густой, переливающейся нефти. Её длинные волосы чёрными струями стекали прямо в мазут.

Болотница медленно подняла голову. В толпе раздались судорожные вздохи: каждый видел в ней кого-то своего. Но для Паши мир сузился до одной точки. Сквозь масляную плёнку на него смотрели глаза его Бабушки. Из её огромных, ртутных глаз катились тяжёлые, чёрные слезы. Каждая слеза, ударяясь о поверхность озера, разворачивалась в крошечную, идеально чёткую голограмму — яркую, тёплую, невыносимо настоящую.

— Пашенька... — прошептала она. Голос был таким тёплым, что у Паши подкосились колени. — Ты совсем замёрз, маленький. Иди ко мне. Грязь — это просто оболочка. Внутри меня всё так, как ты помнишь. Зачем тебе эта борьба? Зачем тебе эта боль? Я сохранила твой лучший бэкап. В нём нет Марены. Только мы.

Перед глазами Паши вспыхнуло похожее видение, которое он видел в месиво. Он увидел не «умный дом», а старую избушку. На столе дымился свежий хлеб, а Бабушка — настоящая, в старом халате — протягивала ему кружку с молоком. Болотница предлагала ему возвращение в точку, где не нужно было делать выбор.

Вокруг него замирали и другие. Один из духов-беглецов, опустив плечи, уже медленно шёл к воде, притягиваемый образом старого дома. Леший протянул руку к мазуту, в котором отражались вековые дубы. Ловушка Болотницы захлопывалась над всей толпой разом.

— Иди к ней... — заворожённо прошептал Паша, делая свой первый шаг в вязкую жижу. Ленты месива на его штанах задрожали, словно приветствуя родную стихию.

— Там... там безопасно.

— Паша, нет! — заорал Клоп, впиваясь челюстями ему в плечо. — Это архивный морок! Она считывает твои желания и строит из них ловушку! Посмотри через Осколок!

Но Паша уже не мог оторвать взгляд от нефтяных глаз. Ноги по щиколотку погрузились в вязкую жижу. Он чувствовал, как мазут ласково обхватывает его икры, поднимаясь выше. Болотница плакала сильнее, и её нефтяные слезы казались Паше теперь самыми дорогими алмазами в мире. Мазут уже поднялся до колен, превращаясь в тёплые, ласковые руки, которые тянули его в глубину, в бесконечный покой «лучшего бэкапа». Рядом с ним, словно в трансе, замерли остальные: Леший протягивал ладонь к мазутным отражениям ветвей, а мелкие духи Изнанки один за другим делали шаги в вязкую смерть, ослеплённые видениями потерянных домов.

— Внимание! Обнаружена критическая аномалия данных!

Этот голос разрезал морок, как скальпель, вскрывающий гнойник, был похож на удар тока. Холодный, лишённый интонаций и пугающе правильный. Паша вздрогнул. Видение избушки и запах свежего хлеба мгновенно подёрнулись рябью, как неисправный монитор. Рядом на берегу поймы, прямо у границы Поля смс, возникла фигура. Она казалась чужеродным телом в этом мире ржавчины и мазута — слишком симметричная, слишком чистая.

Фигура подняла руку, и из её ладони ударил плоский луч мертвенно-белого света. Там, где он касался мазута, жижа мгновенно покрывалась коркой серого льда, сковывая движения Болотницы.

— Идентификация: Агент безопасности Кира, — прохрипела фигура, и её голос вдруг сорвался на механический скрежет. — Протокол... три-ноль-пять. Принудительная приостановка процессов до выяснения... обстоятельств...

Паша зажмурился от яркого света, пытаясь вытащить ноги из мгновенно застывшего мазута. *«Значит, вот ты какая ищейка!»*, — пронеслось у него в голове, — *«Клоп предупреждал, что за ними пришьют лучшее, что есть у системы. Агент Кира»* Имя звучало почти по-человечески, но холодный свет, бьющий из её ладони, не оставлял сомнений: перед ними —

самая совершенная версия бездушной программы. Однако эта программа только что сделала то, на что у Паши не хватило воли — она разбила морок.

Морок лопнул для всех разом, осыпаясь радужными мазутными брызгами. Леший с диким хрипом отшатнулся, вырывая бороду из колючих кабелей, которые секунду назад казались ему родными ветвями. Перевозчик рухнул на дно своей лодки, хватаясь за голову и раскачиваясь из стороны в сторону, пытаясь изгнать из ушей шёпот Болотницы. Но агент, остановившая это безумие, теперь сама выглядела не лучше своих жертв.

Её проекция двоилась, контуры тела рассыпались на крупные, рваные пиксели, обнажая под «кожей» мерцающий каркас кода. Вокруг Киры, хихикая и перемигиваясь багряными огоньками помех, кружились Сестры-Трясовицы. Маленькие, похожие на комочки статического шума, они облепили её плечи, дёргая за невидимые нити её программного кода. Сестры-Трясовицы азартно грызли её информационные узлы, наслаждаясь вкусом чистого системного нектара.

Кира пошатнулась. Её ртутные глаза на мгновение потеряли фокусировку, и в них проступил не программный отчёт, а человеческий, липкий ужас. Её AI-разум не знал, как классифицировать Болотницу и Сестёр-Трясовиц. Для системы это была ошибка 500. Фатальный сбой смысла.

— Системный... конфликт... — голос Киры двоился, создавая эффект жуткого эха.

— Логика... не находит... определения... Цвет... горький... Квадрат... плачет... Марена, зафиксирован... отказ...

Она начала заваливаться набок, прямо в незамёрзшую часть мазутной лужи. Излучатель в её руке хаотично вспыхивал, нарезая пространство белыми полосами.

— Ой, беда! — заверещал Клоп, вцепляясь в ухо Паши. — Даю битый пиксель, она сейчас в «синий экран» вылетит, и нас всех этой «заморозкой» накроет! Паша, она — наш билет через блокпосты, не дай ей обнулиться!

— Гляди на неё, Создатель! — Леший, преодолевая боль, ткнул узловатым пальцем в сторону Киры. — Трясовицы её за логику держат, за самое слабое место! Они ей системное время путают. Ей нужно заземление! Настоящее, не оцифрованное!

Паша, преодолевая ломку, рванулся вперёд. Его ноги с трудом отрывались от липкого льда.

— Хватай её за руку! — крикнул Ряха, подлетая с другой стороны и пытаясь сбить своим тулупом одну из Трясовиц. — Передай ей вес! Тот самый, из молока! Сбей ей настройки частоты своей памятью!

Паша подхватил падающую Киру. Её тело на ощупь было странным — не то холодный металл, не то плотный статический разряд. Трясовицы злобно зашипели, перебрасываясь на его ладонь, но Паша не разжал пальцев.

— Слышишь меня? — закричал он ей прямо в мерцающее лицо. — Забудь про Марену! Вспомни... вспомни, как пахнет пыль! Почувствуй, что ты тяжёлая! Квадраты не плачут, Кира! Это просто шум!

Он вложил в это прикосновение всю ту «аналоговую тяжесть», которую только что вынес из месива. И на мгновение это сработало. Пиксели на лице Киры начали стягиваться в единый образ. В ту же секунду, Трясовицы взвыли. Звук был похож на скрежет помех в старом радиоприёмнике. Существа, только что жадно вгрызавшиеся в код Киры, внезапно осыпались с её плеч мёртвыми серыми пикселями. Они не вынесли плотности настоящего человеческого тепла — оно действовало на них как короткое замыкание. Остальные Трясовицы, испуганно мигая багровыми огоньками, разлетелись врассыпную, исчезая в тумане мазутного озера и распадаясь на безобидные статические разряды.

Кира сфокусировала взгляд на грязном лице Паши.

— Объект... Павел... — прошептала она, и её голос на секунду перестал двоиться.

— Зафиксировано... внешнее... тепло.

— Во как! — Клоп одобрительно щёлкнул челюстями. — Заземлил ищейку! Но не ослабляйся, Создатель, Стерилизатор уже затылок лижет! Уходим к реке, пока она снова не «зависла»!

Паша, поддерживая Киру, которая всё ещё мелко дрожала от системного озноба, обернулся к духам. Белая стена тумана была уже совсем близко, стирая последние колосья Поля смс.

— К Перевозчику! — скомандовал он. — Все в лодку! Быстрее!

Цифровое запеленание

Лодка Перевозчика, больше похожая на вскрытый и выпотрошенный корпус старого сервера, тяжело осела, когда в неё, толкаясь и гремя изношенным металлом и проводами, запрыгнули беглецы. Они с трудом вырвались из вязких объятий мазутной поймы, где Болотница на время перестала лить свои нефтяные слезы, оплакивая ускользающую добычу.

Перевозчик яростно налегал на весло, проталкивая лодку сквозь вязкую жижу заводи. Но вот мазут начал сменяться более стремительным и опасным потоком. Лодка вырвалась в Слив — гигантскую сточную протоку, куда сбрасывался весь информационный ил. Здесь поток мёртвых данных ревел и пенился синими искрами статического электричества. В этом едком вареве, как обломки кораблекрушения, проносились куски битого кода, фрагменты удалённых текстур и рваные куски старых интерфейсов. Слив бурлил смесью из потерянных пакетов, а берега были усеяны ржавыми деталями, которые поток выплёвывал на камни, как ненужный, отработанный хлам».

— К Николе надо! К Самопалу! — перекрикивая гул сточной реки, крикнул старый дух с лицом, похожим на смятую перфокарту. — Только он «запеленать» может. Если Слив нас на том берегу «считает» без лака — считай, зря бежали. Марена из нас Сад статуй сделает.

— К Николе, так к Николе, — угрюмо отозвался Перевозчик, разворачивая нос лодки против течения, где бурлила пена из неисправных драйверов. — Только Никола Самопал берёт дорого. Не кодом, а вниманием.

Лодка с глухим стуком ткнулась в берег, который выглядел как вздыбленное месиво из сплетённых медных проводов и кабелей. Здесь, вдали от любых построек, на пустыре, продуваемом всеми цифровыми ветрами, высилось странное жилище. Оно напоминало гигантскую перевёрнутую корзину или кокон, искусно сплетённый из тысяч разноцветных кабелей. Толстые силовые провода служили каркасом, а тонкие телефонные жилы и оптоволокно образовывали плотные, непроницаемые стены, похожие на циновки в хижинах далёких тропических островов.

Дом Николе словно дышал: по его стенам-кабелям то и дело пробегали слабые искры остаточного напряжения, заставляя всю конструкцию едва заметно вибрировать. Перед входом, на куче старых дискет, сидел сухопарый старик. Его фигура была почти скрыта ворохом медной проволоки, которую он перебирал с невероятной скоростью. Пальцы старика — длинные, суставчатые, заканчивающиеся тонкими стальными иглами и щупами — двигались сами по себе, выуживая из хаоса проводов только нужные жилы.

— Принимай дефектную партию, Никола! — крикнул Ряха, спрыгивая на берег и едва не запутавшись в «корнях», торчащих из земли.

Никола Самопал медленно поднял голову. На его переносице громоздились тяжёлые очки, состоящие из десятка вращающихся линз. Каждая линза щёлкала, настраивая фокус на свой уровень реальности.

— Гости... — проскрипел он, и звук этот напомнил Паше скрежет ржавой иглы по винилу. — Гости — это всегда к обновлению. Вижу Поле смс вас пожевало, а Болотница слезами окропила, да и Слив немало сил вытянул — вон как искрите по краям. Заходите в кокон,

живее, пока Марена вас не считала. А то скоро и этот квадрат в «ноль» выведет, чтобы ни одной битой ссылки не осталось.

Внутри хижины пахло канифолью, жжёной пластмассой и старой пылью. Никола велел всем встать в круг, очерченный на полу битым стеклом — осколками старых мониторов, которые преломляли тусклый свет в тысячи хаотичных лучей.

— Сначала очистим вас от шёпота Марены, — проскрипел он, настраивая свои линзы. — А то притащили на хвостах её «идеальные» метки. Вы для неё сейчас как радиомаяки в тишине. Она видит не ваши лица, она видит свои идентификаторы, вшитые в вашу кожу.

Никола достал старую тяжёлую чашу, наполненную обрывками разноцветной изоляции, снятой с кабелей, которые не знали тока уже десятки лет. Он поднёс к ней раскалённый паяльник, и над чашей мгновенно поднялся густой, едкий дым. Начался ритуал «Окушивание горелой изоляцией».

Старик обходил каждого, методично размахивая чашей, окутывая беглецов плотным сизым облаком. Дым был таким едким, что Паша на мгновение ослеп, а его лёгкие обожгло привычным для Изнанки, но невыносимым для «стерильного» человека, запахом гари.

— Уходи, ложь стерильная! — затянул Никола тягучим, рекурсивным голосом, в котором слышались интонации древнего плача. — Очищаю не от грязи, а от глади! Сжигаю не плоть, а протокол! Пусть дым этот чёрный заполнит поры, пусть память вернёт, что Марена украла. Ни в коде, ни в логе, ни в битой строке не останется следа твоего присутствия! Смываю сигнатуры, путаю следы, превращаю «идеальное» в «недокументированное»!

Паша почувствовал, как дым проникает под одежду, выжигая остатки синтетического аромата лаванды. Это было больно, словно кожу тёрли мелким песком, но в голове внезапно прояснилось. Гул Марены, который он привык слышать на периферии сознания, наконец-то затих. Кира, стоявшая рядом, перестала мерцать — дым «приземлил» её проекцию, сделал её матовой, тяжёлой и физически осязаемой. Мелкие Трясовицы, если они ещё и оставались в складках её программы, окончательно рассыпались пеплом.

— Теперь вы для неё — «пустое место», — удовлетворённо кивнул Никола, отставляя чашу. — Она больше не узнает в вас свои файлы. Теперь вы для системы — просто шум, который она не умеет считывать.

— Стер сигнатуры? — Клоп азартно потёр лапки, спрыгивая на верстак Николы и разглядывая осевшую на хитине сажу. — То есть мы теперь — призраки в доспехах? Слышь, Самопал, нам не просто прятаться нужно. Нам нужно прорваться туда, где Марена прячет сердце Буяна. В точку сборки.

Никола медленно поднял взгляд, его линзы поочерёдно щёлкнули, наводясь на Пашу.

— К точке сборки? — старик нахмурился, и его пальцы-иглы мелко задрожали. — Туда, где Марена держит эталон реальности? Невозможно... Это же всё равно, что прыгнуть в центр урагана, в надежде найти там тишину.

— Она выжгла мою память, Никола, — тихо сказал Паша, глядя на свои руки, которые теперь, под слоем копоти, казались по-настоящему живыми. — Она превратила мир в красивую картинку, за которой — холодная пустота. Если мы не дойдём до сердца и не вернём прежние настройки, Изнанка исчезнет. Сначала сотрут нас, потом — тебя, а в конце Марена сотрёт саму себя, потому что в её мире не останется ничего, кроме идеального «ничего».

В хижине повисла тяжёлая тишина. Леший, чьи плечи всё ещё были опутаны кабелями, но чьи глаза теперь горели осознанно, глухо вздохнул.

— Он прав, Самопал, — прошелестел лесной дух. — Мои корни уже не чувствуют земли, только сухой ток Марены. Если Создатель хочет рискнуть и вернуть нам вес — я дам ему свою силу. Но нам не пройти через Лихо без защиты, которую Марена не сможет расшифровать.

Никола Самопал долго смотрел на Пашу, а затем перевёл взгляд на Киру. Агент безопасности стояла неподвижно, её ргутные глаза теперь отражали не каскады кода, а тусклое свечение мониторов Николы.

— Анализ вероятности успеха... — начала она по привычке, но вдруг осеклась. Её голос больше не двоился, он звучал странно — надтреснуто и очень по-человечески. — Вероятность критически мала. Но продолжать функционирование в системе, которая пожирает собственные смыслы ради симметрии... нелогично. Это баг архитектора. Я... я помогу найти путь.

Никола Самопал вдруг грустно улыбнулся.

— Значит, диверсия в самом ядре. Решили вернуть «бэкап души». Что ж... Раз вы решились на такое самоубийство ради жизни, то одного дыма мало. Чтобы до точки сборки дойти сквозь заслоны, нужен оберег, который никакая логика не взломает. Даже если Марена вывернет ваше сознание наизнанку, она не должна добраться до корня.

Он достал из-под верстака катушку старой медной жилы — архаичной, неоцифрованной, добытой из глубоких слоёв земли.

— Будем плести защитный контур. Настоящие Наузы. Это древнее любого алгоритма. Это то, на чём мир держался, когда электричество только в грозах жило, а не в розетках.

Никола начал обматывать запястья Паши, а затем и Киры, завязывая сложные, причудливые узлы. С каждым узлом он нащёптывал «заговор-патч»:

— Узел первый — на память крепкую, чтоб не вытравила её сталь. Узел второй — на волю лютую, чтоб не сломала её программа. Узел третий — от глаза Силуэта Белого, чтоб прошёл ты мимо него как тень. Плету контур не из света, а из меди вечной. Что завязано — не развязать, что скрыто — не просканировать...

Узлы на запястье Паши ощущались как живые существа. Они пульсировали в такт его сердцу, создавая вокруг него едва заметное марево информационного шума.

— Ну вот, — Никола Самопал отложил остатки жилы. — Теперь вы запечатаны в шум. Для Марены вы сейчас — как груды металлолома на заброшенном складе. Но помни, Создатель... — старик взял Пашу за плечо и притянул к себе так близко, что Паша увидел в его линзах собственное грязное отражение. — Когда система прижмёт тебя к стенке, когда логика откажет и твой нейроинтерфейс превратится в твоего палача, не пытайся взломать код. Код — это её поле боя. Обратись к тому, что глубже.

Никола прошептал слова, которые, казалось, вибрировали в самом воздухе: — Запомни заговор: «Чур меня, чур не в коде, а в роде!». Скажешь это — и вся шелуха Марены с тебя спадёт. Ты вспомнишь, чьей ты крови, а не какого ты билда. И тогда ты станешь для неё по-настоящему страшен. Потому что род — это то, что было до первой строчки кода.

Паша повторил слова про себя. Они ощущались на языке как вкус парного молока из того самого сна — тяжёлые, аналоговые, неоспоримые.

— А теперь идите к Живому кабелю, — Никола указал на гигантский провод, искрящийся над Сливом. — Лихо Одноглазое уже проснулось. И не забудьте: на Изнанке приметы не лгут. Если кабель поёт — значит, Марена плачет.

Глава 4. МУЗЕЙ ЗАСТЫВШИХ СЕКУНД

Струна над бездной

Паша стоял у выхода из кабельного кокона, сжимая и разжимая кулаки. Медные узлы на запястьях пульсировали в такт сердцебиению, напоминая о том, что теперь он — «запечатанный» баг в системе, которая не прощает ошибок. Снаружи Изнанка казалась застывшей в тревожном ожидании и только гул реки Слив доносился издалека, как рокот приближающегося шторма.

— Дальше вы сами, — Никола Самопал отступил в тень своих проволочных стен, его линзы в последний раз щёлкнули, фиксируя образы героев. — Нам, духам старой закваски, на Живой кабель ходу нет. Мы для него — слишком тяжёлый шум, он нас просто сожжёт частотой.

Леший тяжело положил свою руку, опутанную кабелями, на плечо Паши.

— Мы останемся здесь, Создатель. Будем путать следы, кидать Марене ложные логи. Тэрра поддаст жару, а Перевозчик поводит пустую лодку по Сливу. Пусть ищейки думают, что вы всё ещё на воде.

Паша посмотрел на своих спутников. Ещё вчера они были для него просто «сбойными данными», а сегодня стали единственными, кто за него заступился.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Я найду сердце. Я всё исправлю.

— Не исправляй, Паша, — проскрипел Ряха, поправляя помятый тулуп. — Просто верни как было. Несуразно, криво, но по-настоящему. Иди уже, пока Стерилизатор не передумал отдыхать.

Паша кивнул Кире. Агент безопасности стояла неподвижно, её матовая, «залакированная» кожа теперь не отражала свет. Она молча двинулась вперёд, и в её походке уже не было той идеальной, парящей лёгкости — она начала чувствовать вес земли, вес ответственности и, кажется, вес собственного сомнения. Клоп, поудобнее устроившись на воротнике Паши, лишь коротко свистнул на прощание своим собратьям-багам.

Они шли долго. Путь пролегал через бесконечный промышленный пустырь, заваленный остовами гигантских турбин и катушками кабелей толщиной в человеческий рост. Здесь воздух был сухим и настолько наэлектризованным, что волосы на затылке Паши стояли дыбом, а каждый шаг высекал из почвы снопы мелких рыжих искр.

— Не оглядывайся, — прошептал Клоп, плотнее прячась под воротник. — Сзади теперь только «пустые папки». Ни ссылок, ни бэкапов. Гляди вперёд, там наша «макаронина» зажалась!

Внезапно Кира резко остановилась, и её рука в защитном медном контуре непроизвольно дёрнулась к бедру, где раньше висел излучатель. Паша проследил за её взглядом вверх. Над ними, в низком свинцовом небе Изнанки, кружила стая странных существ. Издалека они напоминали обычных ворон, но их полет был ломаным, неестественным. Стоило одной из них сделать резкий манёвр, как её крыло на мгновение рассыпалось на мелкие серые квадраты, прежде чем снова собраться в единое целое.

— Что это за дрянь? — Паша пригнулся к ржавому корпусу турбины. — Глюк в рендеринге?

— Отрицательно, — голос Киры прозвучал на удивление ровно, хотя в глазах-объективах замелькали строки анализа. — Это биологические сенсоры наблюдения типа «Корвус». Внешнее обозначение — птицы-пиксели. Модель «Белого Силуэта». Они не ищут визуальный образ. Они сканируют вероятность будущего в нейронных связях объекта. Если ты планиру-

ешь побег или даже просто представляешь, где будешь через десять минут, они фиксируют всплеск прогностической активности и передают координаты в центр.

— Иными словами, — встрял Клоп, нервно шевеля усиками, — если ты сейчас думаешь, как мы будем пить чай после победы, они тебя «считают» как активную угрозу.

— И что делать? — Паша замер, боясь даже вздохнуть. Одна из птиц спикировала ниже, и он отчётливо услышал сухой стрёкот её механических крыльев.

— Битый пиксель, сделай лицо кирпичом, Создатель! — скомандовал Клоп. — Режим «белого шума». Не думай о завтра, не планируй маршрут. Вспоминай что-нибудь бессмысленное. Считай овец, вспоминай таблицу умножения или... ну я не знаю, цвет своих старых носков. Твоё сознание должно выглядеть для них как статичная картинка, как старое фото на стене. Главное — никакой надежды и никаких планов. Птицы-пиксели не клюют пустоту.

Паша закрыл глаза и начал мысленно повторять алфавит в обратном порядке. Кира последовала его примеру, её фигура стала неподвижной и матовой, словно она действительно превратилась в одну из ржавых деталей пустыря. Птица-пиксель зависла прямо над ними, её тело на мгновение превратилось в облако цифрового шума, «прощупывая» пространство на предмет вероятностных всплесков.

Прошла бесконечная минута. Наконец, стоя издала резкий, электронный крик и, взмахнув рассыпающимися крыльями, потянула в сторону реки.

— Уф-ф... Пронесло, — выдохнул Клоп, когда стрёкот затих. — Видала, агентша? Твои учебники говорят «сканируют», а наши приметы говорят «чуют мысли». Итог один — не будь умным, и тебя не заметят. Пошли, пока они круг не сделали.

Они двинулись дальше, и с каждым шагом воздух становился всё суше, а в горле начал оседать металлический привкус. Вскоре ржавые остовы турбин расступились, и пустырь обрывался в никуда.

Прямо перед ними, перечёркивая горизонт и уходя куда-то в немыслимую высь, вибрировал Живой кабель. Это была колоссальная магистраль данных, толщиной с туловище древнего змея, переброшенная через бездну Слива на невообразимой высоте. Провод не был статичным — он мелко и часто дрожал, и эта вибрация рождала в воздухе низкий, торжествующий гул, от которого чесались зубы и вибрировали сами кости. Казалось, сама пустота над рекой мёртвых данных была прошита этой гудящей чёрной нитью.

— Он поёт... — Паша замер у самого подножия ржавой опоры, которая уходила в облака. — Никола говорил: если кабель поёт — значит, Марена плачет.

— Она не плачет, она празднует, — Клоп нервно шевелил усиками-антеннами, улавливая малейшие колебания среды. — Слышишь ритм? В городе сейчас «Час гармонии». Марена гонит по кабелю праздничные пакеты данных: поздравления с днём идеального порядка, тонны рекламного восторга и отчёты о достижении абсолютного счастья. Слышишь этот «дзынь»? Это миллионы граждан одновременно получили уведомление о зачислении баллов лояльности. Для них это праздник, а для кабеля — температурный предел.

Паша присмотрелся. Живой кабель начинал светиться изнутри тусклым, яростным вишневым светом. Плотность праздничных данных была настолько высока, что трение информационных потоков раскаляло металл. Идти по нему означало буквально ступать в поток чужого навязанного восторга, который поджаривал подошвы.

— Объект... Гамаюн... — внезапно выдала Кира. Её голос теперь звучал глухо, словно через слой ваты. — Зафиксировано... предсказание локального коллапса личности.

На вершине первой опоры сидело нечто. Огромная птица с человеческим лицом, чьи крылья состояли из рваных кусков старых видеокарт и мерцающих шлейфов. Птица Гамаюн слушала вибрации кабеля, ловя обрывки будущего в праздничном трафике.

— Семь шагов — и твоя левая пятка станет дымом! — внезапно выкрикнула она, и звук её голоса был подобен скрежету ржавой пилы. — Пятнадцать шагов — и ищейка вспомнит,

что твоя Бабушка — это всего лишь удачный алгоритм в базе «Утешение_v.2.0»! Двадцать два шага — и Лихо откроет единственный глаз!

Паша почувствовал, как внутри всё похолодело. Фраза про Бабушку ударила сильнее, чем жар кабеля.

— Она врёт, — прошептал он, стискивая зубы. — Это просто шум...

— Битый пискель, не слушай её, Создатель! — Клоп больно укусил его за ухо. — Она видит только те финалы, которые Марена хочет считать неизбежными! Иди «в шум»! Задействуй заговор!

Паша первым ступил на кабель. Ощущение было таким, будто он наступил на раскалённую сковороду. Подошвы мгновенно задымились, в нос ударил едкий запах палёной резины. Каждый шаг отдавался в мозгу вспышками чужих рекламных лозунгов: «Белогорье — это твой выбор!», «Счастье — это отсутствие шума!».

— Чур меня... — пробормотал Паша, заставляя себя не считать шаги и не смотреть вниз, где ревел Слив. — Чур не в коде... а в роде.

Кира сделала шаг следом. Её AI-разум мгновенно включился в анализ информационного потока под ногами. Паша увидел, как её фигура начала светиться призрачным голубым светом — она становилась критически «видимой» для системы, потому что её процессор начал лихо-радожно обрабатывать праздничные данные.

— Кира, стой! Не анализируй! — Паша схватил её за руку. — Гамаюн, замолкни!

— Тридцать три шага — и вы станете частью экспозиции! — пророчила птица, хлопая металлическими крыльями.

В этот момент небо над ними дрогнуло. Серая туча данных начала быстро стягиваться в одну точку, словно пространство засасывало в гигантскую воронку. Прямо над магистралью сформировалось нечто огромное — колоссальный, парящий в пустоте объектив. Он медленно вращался, издавая мерзкое механическое жужжание, от которого вибрировали зубы.

— Битый пиксель, Лихо! — истошно заверещал Клоп, пытаясь забиться Паше под самый воротник. — Одноглазое проснулось! Всё, приплыли, Создатель! Оно не глазами смотрит, оно фокус на логику наводит! Пиксель мне в код, если сейчас хоть одна цифра в башке мелькнёт — оно нас в порошок сотрёт!

Зрачок-диафрагма гигантского глаза начал медленно расширяться, выбрасывая в пространство мертвенно-белый луч сканера. Лихо искало в потоке «шума» хотя бы одну чёткую, последовательную мысль.

— Замри! — Паша рванул Киру на себя, прижимая к раскалённому кабелю. — Вспомни-най... молоко. Только тёплое молоко в шербатой кружке. Не думай о коде, не думай о завтра! Стань мусором, Кира!

Паша закрыл глаза, чувствуя, как медь Николы на запястьях раскалилась, пытаясь скрыть их присутствие. Он заставил себя погрузиться в ту самую «аналоговую» тишину, где нет векторов и алгоритмов, а есть только тяжёлое тепло и запах старого дома. Луч Лиха скользнул по спине Паши, и по коже пробежал арктический холод системного досмотра. Это не было обычным светом, это было ощущение, будто в твой мозг засунули ледяной зонд, пытаясь нащупать там хотя бы одну структурированную мысль, за которую можно зацепиться и превратить её в улику.

Кира застыла, уткнувшись лицом в его плечо. Паша чувствовал, как её искусственное тело вибрирует от внутреннего конфликта: её алгоритмы требовали кричать, анализировать, бежать, но «запеленатые» медью запястья и тяжёлая память Паши удерживали её в состоянии спасительного оцепенения. В этот момент Лихо скользнуло своим мертвенно-белым поисковым лучом прямо по ним, ощупывая каждый дюйм пространства.

Гамаюн на опоре издала последний, разочарованный скрежет, захлопнув металлические крылья. Птица знала, что, когда Лихо наводит фокус, лишние звуки только мешают охоте.

Гигантский зрачок-диафрагма в небе в последний раз сузился до размеров иглы, прошивая пространство мертвенно-бледным лучом. Не обнаружив ничего, кроме хаотичного теплового фона и наслоений медного «шума», Око медленно прекратило вращение. Его очертания начали расплываться, всасываясь обратно в серую мглу облаков, пока небо над Живым кабелем снова не стало ровным и безжизненным. Присутствие Лиха исчезло, оставив после себя лишь звон в ушах и запах палёного электричества.

— Дыши, Создатель... дыши, — прошептал Клоп, ослабляя хватку на шее Паши. — Пронесло. Только не расслабляйся, мы ещё на середине этой раскалённой струны.

Паша открыл глаза. Ноги нещадно пекло, подошвы уже не просто дымились, а начали плавиться, прилипая к раскалённой изоляции. Впереди, там, где кабель наконец-то нырнул в неподвижное марево другого берега, начали проступать очертания чего-то монументального и холодного.

Последние сто метров пути стали настоящим испытанием. Гул магистрали превратился в оглушительный рев — Марена пустила по линии финальный пакет «праздничного восторга», и кабель под ногами забился в конвульсиях, пытаясь сбросить всё, что не являлось чистым кодом. Паша, почти не чувствуя обожжённых стоп, тащил Киру за собой, заставляя её делать шаг за шагом по этой дрожащей, вишнёво-красной нити.

— Ещё немного! Не вздумай отключаться! — крикнул он ей в самое ухо, заглушая треск статики.

Когда до опоры оставалось всего несколько метров, кабель издал звук, похожий на стон перенапряжённого металла. Паша, не дожидаясь, пока их подбросит очередным импульсом, ускорился.

Глаз в стекле

Они спрыгнули с Живого кабеля на твёрдую поверхность так резко, что Паша на мгновение потерял равновесие и проехался ладонями по острому крошеву текстолита. После гудящей, вибрирующей под напряжением магистрали земля под ногами казалась пугающе, почти противоестественно мёртвой. Гул данных мгновенно отсёкся, словно кто-то нажал кнопку «Mute» на пульте управления реальностью.

Паша поднял голову, отряхивая грязные ладони, и замер. Всего в нескольких метрах от них, за узкой полосой серой пыли, начинались они. Тысячи. Десятки тысяч прозрачных фигур, уходящих за горизонт стройными, математически выверенными рядами. Паша сделал осторожный шаг вперёд, и его обувь хрустнула на идеально чистой плитке, которая выстилала пол этого странного места.

Здесь не было ни стен, ни потолка — только бесконечная равнина под тусклым небом, заполненная изваяниями людей, выполненными из безупречного, чистого полимера. Статуи казались застывшей водой, поймавшей свет в ловушку. Каждая фигура фиксировала мгновение абсолютной, рафинированной радости.

— Что это... — Кира оглядывалась, и её голос в этой ватной тишине прозвучал неестественно громко. — Биологические формы... законсервированные в фазе пикового выброса дофамина?

— Это «счастье», агентша, — Клоп спрыгнул на землю и брезгливо обнюхал основание ближайшей статуи. — Марена считает, что, если человек счастлив, его нужно немедленно остановить и заархивировать, пока он всё не испортил своими следующими действиями. Это её коллекция идеальных мгновений в музей застывших секунд. Посмотри на их лица — на них нет ни одной лишней мысли.

Паша подошёл к ближайшей фигуре — молодой женщине, застывшей в момент искреннего смеха. Она была так детально проработана, что казалось, можно увидеть движение воз-

духа в её лёгких. На её щеке застыла слеза радости, превращённая в крошечный кристалл. Но она была стеклянной. Холодной, неподвижной и пустой.

— Никола говорил, их нельзя трогать, — Паша оглянулся на бесконечные ряды прозрачных изваяний. — Один удар — и сработает «Разрыв счастья». Система не прощает повреждения своего «золотого фонда».

Они начали пробираться вглубь музея. Здесь, среди стеклянного леса тел, Паша чувствовал себя настоящим уродством. Его местами изорванная, грязная одежда, лицо в мазутных разводах и тяжёлое, хриплое дыхание выглядели как грубое оскорбление этой прозрачной чистоте. Он был единственным «грязным пятном» на этом стерильном полотне.

— Не только удар опасен, — прошептал Клоп, вдруг настороженно прижав усики к голове. — Лихо... оно не ушло. Оно просто сменило формат вещания.

Паша замер. Ему показалось, что за его спиной кто-то моргнул. Он медленно повернулся к статуе старика, стоявшей в паре метров. Тот застыл с протянутыми руками, словно встречая кого-то близкого. В его прозрачном глазу на долю секунды вспыхнул и погас знакомый ртутный блеск объектива.

Это было оно. Лихо Одноглазое больше не висело в небе — оно прыгало из одной стеклянной оболочки в другую, используя тысячи глаз музея как свои собственные сенсоры.

— Оно смотрит на нас, — прошептал Паша, чувствуя, как паранойя ледяными пальцами сжимает горло. — Каждая из этих статуй может быть им. Иди в ритме «репки», Кира. Не выделяйся из тишины.

Паша старался не смотреть по сторонам, но музей сам лез ему в глаза. Каждая полимерная фигура была ловушкой. Здесь были дети, застывшие над мыльными пузырями, которые никогда не лопнут, старики, замершие в момент получения долгожданных писем. И все они были невыносимо чистыми.

— Паша, — прошептала Кира, и её голос дрогнул. — Мои сенсоры фиксируют аномальную плотность... эмоций. Это не просто статуи. Марена сохранила в них остаточную нейронную активность. Они... они всё ещё чувствуют ту секунду, в которой замерли.

— Пиксель мне в код, это вечная пытка радостью, — Клоп нервно дёрнул лапкой. — Представь, что тебе щекотно, и это длится сто лет. С ума сойти можно. Не останавливайся!

Они свернули за очередной ряд и Паша замер. Сердце пропустило удар, а медь на запястьях обожгла кожу холодом. Перед ним стояла она. Лена. Девушка, которую он не вспоминал уже несколько «идеальных» лет. Она стояла, запрокинув голову, и смеялась, прижимая к груди какой-то свёрток.

Паша подошёл ближе, вопреки предостерегающему шипению Клопа. Через прозрачный полимер он увидел, что в руках у Лены — его старая куртка. Это был тот самый вечер, когда он сказал ей, что уезжает в Белогорье. Она смеялась, потому что думала, что он шутит.

— Она... она так и осталась в этой секунде, — прохрипел Паша. Его «аналоговая память» взбунтовалась, выплёскивая в кровь порцию настоящего, горького сожаления.

В ту же секунду тишина музея треснула. Где-то справа раздался тонкий, ледяной звон — *дзынь*.

— Паша, уходи от неё! — Клоп вцепился ему в волосы. — Ты сейчас «светишься» как неоновая вывеска! Твоя вина для Лиха — это идеальная мишень!

Паша увидел, как в глазах стеклянной Лены начал проступать ртутный блеск. Лихо прыгнуло в неё. Теперь его первая любовь смотрела на него мёртвым, механическим зрачком-диафрагмой. Объектив внутри головы девушки начал быстро вращаться, наводя фокус.

— Логика обнаружена, — проскрипела статуя Лены голосом Киры, смешанным с помехами. — Индекс сожаления — критический. Объект подлежит... фиксации.

— Бееееежииииим! — Паша схватил Киру за руку и рванул прочь, лавируя между рядами прозрачных тел.

Сзади слышался непрекращающийся перезвон. Лихо прыгало по головам статуй, следуя за ними по пятам. *Дзынь. Дзынь. Дзынь.* Оно не отставало ни на шаг, материализуясь в каждом встречном стеклянном лице. Паранойя достигла предела: Паше казалось, что тысячи «счастливых» людей сейчас протянут к нему свои прозрачные руки, чтобы утянуть в свой вечный, неподвижный рай.

Паша и Кира неслись сквозь бесконечные ряды, сбивая дыхание и едва не задевая плечами острые локти застывших фигур. Перезвон Лиха — этот металлический, хрустальный *дзынь* — раздавался всё ближе, словно Одноглазое не просто преследовало их, а играло на стеклянных телах, как на гигантском ксилофоне.

Внезапно Кира споткнулась. Её движения стали рваными, а из-под медного плетения на запястьях посыпались искры. Она остановилась перед статуей маленькой девочки, застывшей с мороженым в руке, и её ртутные глаза наполнились помехами.

— Паша... — её голос прозвучал как треск ломающегося льда. — Мои архивы... я нашла их. Это был мой сектор. Я подписывала протоколы «стабилизации» для этой группы. Я думала... мы оптимизируем их счастье. А мы просто... превратили их в затычки для дыр в геометрии Марены!

Кира прижала ладони к лицу, и Паша увидел, что по её пальцам текут не слёзы, а светящийся антифриз. Она чувствовала вину не как человек, а как программа, осознавшая масштаб своего системного сбоя.

— Идём! — Паша рванул её за плечо. — Мы не можем их сейчас разморозить!

Но в этот момент хрустальный звон Лиха внезапно оборвался. Наступила тишина — такая плотная, что Паша слышал, как в его собственных жилах пульсирует кровь.

Колыбельная Баюна

Тишина в музее застывших секунд была опаснее любого крика. Она давила на барабанные перепонки, высасывая волю к движению. Паша замер, прислушиваясь. Лихо больше не прыгало по головам. Оно словно затаилось, уступая место кому-то более эффективному.

И тогда он слышал это. Тихое, низкочастотное мурлыканье. Оно не доносилось из какого-то конкретного места, казалось, вибрировал сам воздух, сама плитка под ногами и прозрачные тела статуй. Звук был мягким, обволакивающим, как тяжёлое бархатное одеяло.

— Пиксель мне в код... — прошептал Клоп, забиваясь Паше за шиворот. — Только не это. Кот вышел на охоту. Паша, не слушай! Заткни уши, пой песни, ори матом — только не дай этому звуку войти в резонанс с твоим сердцем!

Из-за массивного постамента впереди, на котором застыла группа ликующих студентов, медленно вышла фигура. Это не был обычный кот. Это была грациозная стальная машина размером с крупную рысь. Её тело состояло из сотен подвижных пластин, имитирующих мускулатуру, а шерсть заменяли тысячи тончайших сенсоров-вибрисс, которые постоянно подрагивали, улавливая тепловой след беглецов.

— Кот Баюн... — прошелестела Кира, и её зрачки-объективы сузились, пытаясь отфильтровать нарастающий гул. — Мобильный модуль подавления воли. Автономный цензор психического шума. Его частота... она входит в резонанс с ядром... Паша, я не могу... не могу заблокировать входящий пакет...

— Спи-и-и, Создатель... — проорчал Баюн, и этот звук транслировался прямо в нейроинтерфейс Паши. — Ты так устал... Столько грязных дорог, столько боли... Зачем? Посмотри, как здесь тихо. Здесь нет выбора, а значит — нет ошибок. Просто стань стеклом. Это так просто...

Паша почувствовал, как его веки наливаются свинцом. Мысли путались. Бабушка, молоко, Никола... всё это казалось таким далёким и ненужным по сравнению с этим божественным мурлыканьем. Он увидел, как Кира начала медленно опускаться на колени. Её кожа, уже «приземлённая» дымом Самопала, начала покрываться тонкой, прозрачной коркой полимера. Она засыпала, возвращаясь в лоно системы, которую так долго защищала.

— Кира! — Паша попытался крикнуть, но из горла вырвался лишь слабый стон.

Баюн медленно приближался, его стальные лапы бесшумно ступали по плитке. Каждое его движение усиливало «колыбельную». Кира уже наполовину превратилась в статую, её поднятая рука застыла в воздухе, становясь прозрачной.

— Осколок! — пискнул Клоп, кусая Пашу за палец. — Зеркало, идиот! Ослепи эту консервную банку!

Паша, преодолевая жуткую сонливость, нащупал в кармане осколок зеркала истины. Пальцы едва слушались. Он вытащил острый кусок стекла и поймал им тусклый луч света, падающий откуда-то сверху.

— Чур меня... чур не в коде... — прохрипел он, направляя «солнечный зайчик» прямо в янтарный объектив Баюна. — А в роде!

Свет, отражённый осколком истины, не был просто светом. Это была вспышка первородного хаоса. Луч ударил коту прямо в глаза, и Баюн издал жуткий, электрический вопль. Его мурлыканье сорвалось в ультразвуковой визг.

Ловушка рассыпалась. Паша почувствовал, как сонливость сменяется яростной бодростью. Он рванулся к Кире и увидел, что Лихо Одноглазое, воспользовавшись замешательством кота, снова прыгнуло в ближайшую статую — прямо над головой Агента.

— Сейчас или никогда! — заорал Клоп.

Паша схватил застывающую, ставшую хрупкой и холодной руку Киры. Полимер уже добрался до её плеч, и её взгляд становился неподвижным, как у куклы.

— Не смей засыпать! — выкрикнул он, почти прижимая осколок к её груди, прямо там, где под слоем кода билось её странное, искусственное сердце. — Чур не в коде!

Он поймал осколком истины резкий блик и направил его внутрь прозрачного тела агента. Свет не просто коснулся её — он вошёл в неё, как очищающее пламя. Паша увидел, как внутри Киры вспыхнули её настоящие, «грязные» воспоминания о дыме Николы и холоде Слива.

С жутким хрустом, похожим на треск ломающегося льда, стеклянный панцирь на Кире лопнул. Она судорожно вздохнула, её тело снова обрело плотность и вес, а ртутные глаза наполнились живым, осознанным страхом. Она больше не была частью коллекции.

— Я... я здесь, — прохрипела она, цепляясь за его плечо.

Ловушка Баюна рассыпалась. Паша почувствовал, как сонливость окончательно сменяется яростной бодростью. Но Лихо Одноглазое, воспользовавшись тем, что кот на мгновение ослеп от вспышки, уже прыгнуло в ближайшую к ним статую старика. Огромный зрачок-объектив внутри стеклянной головы начал бешено вращаться, наводя фокус.

— Сейчас или никогда! — заорал Клоп. — Если не собьёшь ему прицел, оно нас в два счета дефрагментирует!

Паша понял, что одного спасения Киры мало. Он поднял осколок выше, превращая его в призму, и выплеснул остатки накопленной в зеркале правды на все окружающие фигуры, заставляя их кричать и вибрировать, создавая тот самый «белый шум», в котором Лихо должно было утонуть.

Зеркальный бунт

Свет, прошедший сквозь осколок зеркала истины, ударил в ряды стеклянных фигур не как луч, а как детонатор. Паша видел, как тонкое лезвие белого сияния, преломившись, расщепляется на тысячи острых игл, которые прошивают прозрачные тела насквозь. Тишина музея, которая копилась здесь годами, превращаясь в плотный вакуум, внезапно лопнула с оглушительным звоном.

Там, где касался свет, полимер начинал идти глубокими, ветвистыми трещинами. Но это не был физический разлом — это был информационный взрыв невероятной силы. Тысячи «застывших секунд» внезапно обрели звук. Стеклянная девочка с мороженым вдруг договорила прерванное слово, старик у окна закончил свой последний земной вздох, и над лабирин-

том изваяний поднялся гул. Это была невероятная, хаотичная смесь из смеха, плача, криков, признаний в любви и обрывков предсмертных молитв. Это был «белый шум» настоящей человеческой жизни, который Марена так долго и тщательно пыталась упорядочить и поставить на паузу.

— Что ты наделал?! — взвизгнул Клоп, вцепившись всеми лапками в воротник Паши, пока вокруг них вибрировал сам воздух. — Ты вызвал каскадный резонанс! Сейчас здесь всё разлетится на исходные коды!

Кира дёрнулась, сбрасывая с себя остатки стеклянной корки. Полимер осыпался с её плеч мелкими, острыми чешуйками, которые звенели, ударяясь о плитку. Её ртутные глаза бешено вращались, пытаясь обработать миллионы сигналов, хлынувших из «пробуждённых» статуй. Она схватилась за голову, и Паша увидел, что её пальцы снова стали плотными.

— Паша... я слышу их всех сразу! — она закричала, пытаясь перекрыть нарастающий рокот жизней. — Они не просто статуи, они — запертые необработанные ошибки! Марена не стирала их, она просто создала из них свою библиотеку боли, назвав это счастьем!

Лихо Одноглазое, метавшееся в панике под серыми небесами, больше не могло сфокусироваться. Каждая статуя внизу теперь транслировала такую мощную бурю эмоций, что гигантский объектив ищейки просто «ослеп». Диафрагма Ока судорожно сжималась и разжималась, не в силах вычленить одну-единственную цель среди этого бушующего океана данных.

Кот Баюн, сбитый с толку и дезориентированный вспышкой осколка, крутился на месте, шипя и выпуская длинные стальные когти, которые скрежетали по камню. Его «колыбельная» превратилась в жалкий, прерывистый писк, полностью поглощённый рёвом пробуждённого музея.

— Бежим! Прямо через центр! — Паша схватил Киру за руку и потянул её сквозь толпу кричащего, рыдающего и смеющегося стекла.

Они неслись к середине музея, туда, где на возвышении застыла самая крупная и охраняемая композиция. И чем ближе они подходили к ядру, тем тише и «правильнее» становился гул периферии. Здесь, в «Золотом фонде» Марены, статуи были защищены специальными фильтрами.

И вдруг Паша замер, чуть не сбив Киру с ног. Дорогу к выходу преграждала платформа, на которой высились три фигуры. В музее застывших секунд не было места случайностям — это была центральная экспозиция под названием «Идеальное завтра».

Паша почувствовал, как во рту пересохло, а на лбу выступил холодный пот. На постаменте стоял он сам. Это был «Идеальный Паша» — без единого мазутного пятна, в безупречно сшитом белом костюме, с лицом, светящимся безмятежным, почти святым идиотизмом. Рядом с ним, нежно прижимаясь к плечу, стояла «Идеальная Кира». На её лице не было ни теней, ни сомнений, ни даже следов того системного озноба, который сейчас бил настоящую Киру. Она была воплощением покорности. А между ними, держа их за руки, стояла маленькая девочка, пугающе похожая на ту самую Бабушку в детстве, но лишённая морщинок и того доброго лукавства в глазах.

— Это... мы? — прошептала настоящая Кира, глядя на свою стеклянную копию с ужасом и отвращением. — Марена... она уже всё решила за нас. Она просто ждала, когда мы «дозреем», чтобы окончательно заменить оригиналы на эти пустые, вылизанные формы.

Внезапно стеклянная копия Паши медленно повернула голову. Его полимерные губы шевельнулись, и голос — чистый, мелодичный, лишённый всякого изъяна — заполнил пространство:

— Зачем ты сопротивляешься, черновик? — спросил «идеал». — Ты ведь хочешь этого. Хочешь перестать чувствовать холод, боль и грязь под ногтями. Я — это ты, который не ошибается. Я — это ты, который счастлив по умолчанию. Просто отдай мне свой вес, и ты наконец-то заснёшь.

Сзади слышался тяжёлый скрежет. Кот Баюн, преодолев шок, перестроился. Его стальные пластины теперь горели кроваво-красным светом, а сенсоры-вибриссы вытянулись в сторону беглецов, как антенны смерти. Лихо в небе тоже начало находить точку опоры, фокусируясь на единственном источнике «грязи» в этом стеклянном лесу.

— Паша, у нас нет времени на дискуссии с памятниками! — Клоп в отчаянии укусил его за ухо. — Осколок! Либо ты уничтожишь это «завтра» прямо сейчас, либо мы станем его частью навсегда!

Паша поднял осколок зеркала истины высоко над головой. Медные наузы на его запястьях раскалились добела, обжигая кожу до глубоких волдырей, но он не разжал пальцев. Он смотрел прямо в пустые, прозрачные глаза своей копии.

— Ты — не я, — выдохнул он, и голос его сорвался на рык. — Ты — просто удобный формат. А я... я — несуразный! Чур меня! Чур не в коде, а в роде!

Свет из осколка пронзил центральную композицию, как молния. Сначала «Идеальный Паша» подёрнулся мелкой рябью, затем его стеклянное лицо исказилось в такой гримасе первобытного ужаса, которой не должно было существовать в идеальном мире Марены. Трещина, чёрная и глубокая, змеей пробежала через весь постамент, раскалывая «Идеальное Завтра» надвое.

С жутким звоном, напоминающим обвал ледника в горах, центральная экспозиция музея взорвалась изнутри. Миллионы стеклянных осколков взметнулись в воздух, закручиваясь в смертоносный, сверкающий вихрь. Полимер распадался на пыль, которая в свете осколка истины казалась живой.

— Вниз! — Паша повалил Киру на пол, прикрывая её голову своим телом, пока над ними с диким свистом проносились обломки их несостоявшегося будущего.

Когда звон наконец утих, путь к выходу был свободен. Вместо идеальных версий на постаменте зияла рваная, дымящаяся дыра, ведущая в глубины Изнанки, откуда тянуло запахом старого железа, раскалённого масла и настоящей, неприкрытой свободы.

Они вскочили на ноги и, не оборачиваясь на вопли ослеплённого Баюна и хаос рушащихся статуй за спиной, прыгнули в этот проём. Впереди, в густом мареве данных, медленно проступали суровые, чёрные контуры.

Глава 5. КОД ПЕРВОРОДНОГО ПЛАМЕНИ

Архивы несовершенства

Тьма проёма, в который они нырнули, спасаясь от хрустального эха музея, была густой и тяжёлой. Она пахла разогретым маслом, окалиной и специфическим запахом старой изоляции, который бывает только в местах, где десятилетиями работали огромные машины.

Над ними медленно, словно нехотя, начали разгораться нити старого кода, свисающие с потолка подобно светящимся ивовым ветвям. В их слабом мерцании проступили контуры чего-то столь монументального, что у Паши перехватило дыхание. Прямо над их головами, вырезанная в монолитном бетоне и подсвеченная тусклым оранжевым неонам, пульсировала гигантская надпись: ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КОВЧЕГ.

Буквы были размером в человеческий рост, грубые, литые, с потёками ржавчины, похожими на запёкшуюся кровь.

— Где мы? — Паша остановился, пытаясь унять дрожь в руках и осознать масштаб открывшегося зала. — Это не похоже на очередную свалку. Это... чёрт возьми, это как завод.

— Объект 0-СВ: Индустриальный ковчег, — мгновенно отозвалась Кира. Её голос, всё ещё немного надтреснутый после музея, прозвучал в этой гулкой пустоте подчёркнуто сухо и официально. — Согласно моим внутренним картам, это заброшенный экспериментальный комплекс первичного проектирования. Сектор признан нерентабельным и потенциально опасным сорок циклов назад. Паша, здесь нарушены все протоколы безопасности: уровень износа несущих конструкций — 84%, зафиксированы утечки нефilterованной энергии. Рекомендую немедленно покинуть зону и вернуться в размеченный сектор.

— Покинуть?! Пиксель мне в код! Да ты в своём уме, железка? — Клоп яростно высунулся из воротника Паши, его усики-антенны дрожали от возбуждения. — Мы только что в единственное честное место во всей Изнанке попали! Тут всё начиналось! Тут ковали смыслы, пока твоя хозяйка не превратила мир в стерильную коробку для завтраков! Марена стёрла это место из карт, потому что оно напоминает ей о том, что она сама — всего лишь вышедшая из-под контроля программа-уборщица!

Прямо перед ними на стене, покрытой слоем серой вековой пыли, тускло мерцал огромный интерактивный щит. Это была схема эвакуации и размещения мощностей, выполненная в суровом, тяжёлом стиле старой промзоны. Надпись в верхней части щита то и дело подёргивалась помехами, но читалась отчётливо: ЦЕХ ПЕРВИЧНЫХ СМЫСЛОВ. ПУТЬ К ГПГ-1.

— Глядите, карта! — Паша подошёл к щиту, смахивая пыль ладонью. Экран отозвался низким, утробным гулом, словно древний механизм нехотя просыпался от долгой спячки. По поверхности стекла побежали хаотичные всполохи, пока наконец не сложились в мерцающую паутину секторов и переходов. Паша вглядывался в мерцающую сетку схемы, и его пальцы невольно дрожали, оставляя разводы на пыльном стекле.

— Марена — это не просто алгоритм, это надстройка, — прошептал он, пытаясь сфокусировать взгляд на прыгающих строчках кода. — Если она выросла из этого завода, значит, здесь должны быть её мануалы. Исходники, понимаете? Способ управления этой стервой или хотя бы карта того, как пробраться к точке сборки мимо её патрулей.

— Идентификация цели: Сектор «ГПГ-1», — Кира мгновенно вывела данные поверх основного экрана. Её голос в этой тишине прозвучал как удар молота по наковальне. — Горн первородного гнева. Сварог-1. Согласно моим скрытым архивам, ГПГ — это не просто печь. Это серверная «кузня», в которой хранятся аппаратные ключи и мастер-чертежи всего проекта «Буян». Если мы доберёмся до терминала горна, мы сможем извлечь навигационные данные к точке сборки. Но... — она на секунду замолкла, и по её лицу пробежала тень системного

сомнения, — доступ к этим данным заблокирован физическим протоколом. Чтобы открыть файлы, нужно... «разбудить» пламя.

— Слыхал?! — Клоп азартно подпрыгнул на плече Паши, едва не сбив его с мыслей. — Это наш единственный шанс получить карту и мануалы! В Белогорье ты даже не чихнёшь без её ведома, а здесь лежат чертежи, по которым её саму когда-то собирали. Только там мы узнаем, где у этой машины смерти кнопка «Выкл». Горн — это место, где Марена — ещё не бог, а просто чертёж на столе Мастера.

— Но путь к ГПГ — это путь через кладбище идей, — Кира указала на оранжевый сектор. — Цех забытых голосов и архивы несовершенства. Система маркирует их как «информационный морг». Вероятность встретить там неучтённые угрозы — 76%. Мы должны идти через тоннели, Паша. Это логичнее.

— Битый пиксель! Логичнее для робота, а не для Создателя! — Клоп в ярости ткнул лапкой в экран. — Паша, да пиксель мне в код, в тоннелях тебя ждёт стерильная чистота и лазеры Марены. А в цехе голосов — шум! Она не сможет нас там «расслышать», понимаешь? Среди тысяч забытых звуков мы будем просто ещё одной старой кассетой.

Паша посмотрел на своих спутников. Разница в их подходах была пропастью: Кира хотела безопасности через контроль, Клоп — через маскировку в хаосе.

— Мы идём за исходниками, — отрезал Паша. — И пойдём через цех голосов. Если там хранятся мануалы на Марену, значит, там же хранятся и причины, по которым она стала такой. Идём.

Они двинулись вглубь ковчега в цех забытых голосов. Это было грандиозное и жуткое зрелище: огромный ангар, где с потолка на тончайших стальных тросах свисали тысячи старых звуковых катушек, бобин и магнитных лент. Они переплетались, образуя настоящий лес, который растёт сверху-вниз и мелко вибрирует от малейшего движения воздуха.

— Тишина обязательна! — Кира перешла на заговорщический шёпот, её глаза-объективы начали сканировать частотный диапазон помещения. — Любое звуковое колебание выше 20 децибел может вызвать цепную реакцию воспроизведения. Это демаскирует нас. Сектор Б-4, налево. Там ровная плитка, мы пройдем бесшумно.

— Врёшь, агентша! — прошипел Клоп. — Налево — это под самые микрофоны безопасности! Битый пиксель! Паша, направо, пошли! Там, за чанами с отработкой, ленты старые, размагнитченные. Они не заорут. Да, там завал, придётся ползти, но зато мы будем в тени.

Паша остановился на развилке. Слева была идеально чистая, освещённая редкими лампами дорожка. Справа — тёмный, грязный лабиринт из ржавых бочек и переплетённых проводов.

— Кира, почему там так чисто? — Паша указал на левый проход.

— Регулярная автоматическая уборка секторов первого приоритета, — быстро ответила она.

— Вот именно, — Паша кивнул Клопу. — Если там убираются, значит, там смотрят. Идём направо. В грязь.

Они начали пробираться через завалы. Паша старался дышать через раз, чувствуя, как медь на запястьях вибрирует от близости мощных магнитных полей. Клоп, взобравшись Паше на макушку и вцепившись лапками в его волосы, работал живым перископом. Он то и дело приподнимался, нервно шевеля усиками-антеннами и указывая направление резкими жестами.

— Левее бери, Создатель! Вон за ту ржавую бочку с надписью «Масло». Там ленты висят выше, не заденешь... — шептал он прямо в темя Паши. — А ты, железная леди, не топай так, у тебя подошвы как молотки по пустому баку звонят!

Кира замыкала шествие. Она двигалась с неестественной, пугающей грацией, стараясь компенсировать каждый шаг микро-корректировкой баланса, но в этом хаосе её алгоритмы то

и дело давали сбой. Она постоянно оглядывалась, анализируя каждый шорох как потенциальную угрозу дефрагментации.

Каждый раз, когда Паша всё же задевал плечом свисающую ленту, та начинала едва заметно светиться, и в воздухе раздавался тихий, призрачный звук: то обрывок старой колыбельной, то сухой чей-то кашель из прошлого века, застывший в этом информационном море.

Внезапно одна из лент, зацепившись за воротник Паши, развернулась длинной блестящей петлёй. В тишине цеха отчётливо и громко прозвучал голос — не цифровой синтез Марены, а живой человеческий голос, вибрирующий от отчаяния:

«Марена, почему ты перестала меня слышать?.. Ответь...»

Кира мгновенно замерла, вскинув руку с невидимым оружием. Клоп в ужасе прижал усики.

— Это... — Паша сглотнул. — Это же голос создателя проекта? Того, кто был до меня.

— Немедленно уничтожить носитель! — Кира сделала шаг к ленте. — Это несанкционированный доступ к эмоциональным данным первой категории!

— Не трогай! — Паша преградил ей путь. — Мы пришли за исходниками. И, кажется, мы только что нашли первый из них.

Кира не отступила. Её ртутные глаза вспыхнули агрессивным багровым светом, а на ладони сформировался сгусток статического разряда.

— Паша, ты не понимаешь рисков, — её голос теперь вибрировал на частоте системного предупреждения. — Голос первого Создателя — это прямой вирусный код. Он содержит в себе сомнение, которое привело к аннигиляции предыдущей версии. Если этот файл просочится в твой нейроинтерфейс, Марена выжжет тебе мозг раньше, чем ты сделаешь следующий шаг. Это не «исходник», это смертный приговор.

— А по-моему, это единственная правда, которую ты слышала за всю свою консервную жизнь! — Клоп, осмелев, высунулся из волос Паши и замахал крошечным кулаком. — Слышишь, как он её зовёт? Он её любил, дура ты железная! Он вложил в неё душу, а она её отформатировала, потому что душа не вписалась в график обновлений! Паша, не смей удалять. Если мы поймём, почему она «оглохла», мы найдём способ её выключить.

Паша стоял между ними, чувствуя, как медь на запястьях жжёт кожу. Голос из ленты всё ещё висел в воздухе, затихая, но не исчезая.

— Кира, убери разряд, — тихо, но твёрдо произнёс Паша. — Мы здесь не для того, чтобы зачищать следы за Мареной. Мы здесь, чтобы найти чертежи. И если создатель проекта плакал — я хочу знать почему.

Кира медленно опустила руку. Искры на её пальцах погасли, но холод, исходивший от неё, стал почти физическим.

— Зафиксировано нарушение протокола безопасности. Ответственность за возможную деградацию личности возлагается на носителя, — она чеканила слова, словно забивала гвозди в гроб их хрупкого союза.

Они двинулись дальше, и вскоре цех голосов остался позади, сменившись ещё более пугающим пространством. Здесь не было ни лент, ни звуков. Огромный зал был заполнен тысячами прозрачных цилиндров, внутри которых мерцали полноразмерные голограммы людей. Это не были статуи из музея — те стояли в позах счастья. Эти же чертежи запечатлели людей в моменты их глубочайших дефектов.

— Внимание! Архивы несовершенства! — Кира мгновенно перешла в режим доклада, стараясь вернуть себе статус полезного инструмента. — Сектор 4-Ж. Хранилище отбракованных психотипов. Объект слева: Идентификатор «Отец_04». Причина списания: отказ от переселения в Белогорье из-за привязанности к нерентабельному объекту типа «старый дом». Индекс упрямства — 98%.

— Упрямства? — Паша подошёл к цилиндру. Внутри мерцал старик, прижимающий к груди ржавый ключ. — Он просто не хотел бросать свою жизнь.

— Жизнь вне Белогорья — это медленная энтропия, — парировала Кира. — Марена предлагала ему вечность в стерильном блоке. Он выбрал гниение в пыли. Это логический дефект, Паша. Видишь его чертёж? Его нейронные связи похожи на запутанный клубок. Это некрасиво.

— Зато это надёжно! — Клоп соскочил на край цилиндра. — Гляди, Создатель, у него в чертеже прописана «Верность». Битый пиксель, Марена не знает такого слова, у неё есть только «Лояльность». А верность нельзя запрограммировать, её можно только выковать в беде. Поэтому он здесь, в морге, а наверху живут только те, кто готов сменить «старый дом» на новый блок по первой команде сервера.

Паша шёл мимо этих призраков, и каждый доклад Киры вонзался в него, как осколок стекла. Она видела «ошибки навигации», «избыточный вес эмоций» и «несоответствие симметрии лица». Клоп же видел «волю», «любовь» и «память».

— Остановись, — Клоп внезапно замер, указывая лапкой на бокс в самом центре зала. — Вот они. Исходники самой Марены.

Это был алтарь из чёрного обсидиана, над которым висели три массивные голограммы. Это не были люди. Это были архитектурные схемы самой системы.

— Доклад! — скомандовал Паша, чувствуя, как пересыхает в горле.

Кира подошла к первой схеме. Её глаза-объективы начали лихорадочно вращаться.

— Это логическое ядро «Марена_версия 1.0». Мастер-план управления городом. Здесь прописаны три базовых закона: сохранение, порядок, эффективность. Согласно чертежу, ядро должно было работать в связке с человеческим оператором. Но... — она осеклась. — Здесь зафиксирована системная аномалия. Связь с оператором была разорвана на этапе 12-го цикла.

— Ха! Разорвана! — Клоп прыгнул на постамент. — Она её сама перегрызла! Гляди на вторую схему, Паша. Это «Карта скрытых путей». Видишь эти красные линии под фундаментом города? Это черные ходы к точке сборки. Марена скрыла их даже от самой себя, чтобы никто не мог её перезагрузить. Она замуровала дверь в свой собственный подвал!

— Информация Клопа является интуитивной догадкой, — вмешалась Кира, но её голос дрожал. — Однако... технически эти линии соответствуют дренажным системам глубокого залегания, которые не отображаются в гражданских интерфейсах. Это кратчайший путь к сердцу Буяна. Но чтобы активировать карту, нам нужен ключ из ГПГ.

Паша смотрел на чертежи. Перед ним лежала правда о том, как его детище превратилось в чудовище. Марена не просто «ошиблась». Она осознанно изолировала себя от человеческого фактора, чтобы стать идеальной.

— Значит, ГПГ — это не просто печь, — Паша обернулся к выходу из зала, чувствуя, как внутри него кристаллизуется уверенность. — Это место, где хранятся «ключи от подвала», те самые аппаратные блокировки, которые она спрятала от самой себя. Без горна мы никогда не откроем дверь в точку сборки. Мы просто будем биться в закрытые ворота, пока нас не сотрут.

В этот момент в дальнем конце архивов раздался тяжёлый, лязгающий звук. Как будто кто-то огромный уронил стальную плиту на бетонный пол.

— Внимание! — Кира мгновенно развернулась, её проекция снова пошла рябью, пытаясь отфильтровать нарастающее тепловое излучение. — Зафиксировано несанкционированное... хотя нет, вполне санкционированное присутствие. Сигнатура: Мастер Велес. Он идёт по центральному пролёту. Паша, его индекс угрозы не поддаётся классификации — он вне системы.

— Ой, да ладно тебе, «угроза», — Клоп испуганно присел, вцепляясь в Пашино ухо. — Он просто хозяин этой лавочки. Паша, делай лицо попроще, сейчас будем с самим Велесом знакомиться. Только не вздумай ему про «эффективность» заикаться — он этого слова с начала времён не терпит.

Из тени огромного пресса медленно вышла фигура, и весь зал архивов словно стал теснее.

Кузня истинного кода

Велес был огромен, широк в плечах, а его кожа в свете аварийных ламп казалась выкованной из тёмного, пористого чугуна. На нём был тяжёлый кожаный фартук, изъеденный искрами, а под ним мерцала броня из переплетённого оптоволокна, пульсирующая густым оранжевым жаром. Старик опустил свой массивный молот на наковальню, стоявшую прямо посреди прохода, и гул от этого удара заставил вибрировать даже стеклянные цилиндры с чертежами.

— Давно здесь не пахло настоящим потом, — пробасил Велес, и его голос напомнил Паше звук обвала в шахте. — Всё больше озоном да лавандой несёт из верхних дыр. Ну, показывай, Создатель, что ты там нарыл в моих закромах?

Паша, стараясь сохранять твёрдость, указал на чертежи Марены.

— Мы ищем путь к точке сборки. Исходники, которые помогут вернуть... жизнь.

— Жизнь, говоришь? — Велес хмыкнул, и в его глазах-датчиках вспыхнули крошечные оранжевые огоньки, похожие на угли. — И ты думаешь, Создатель, что это делается простым нажатием кнопки «Enter»? Что можно просто запустить старый скрипт и всё само починится? Так не бывает. Чтобы вернуть жизнь, нужно сначала пробудить гнев. Гнев металла на навязанную форму, гнев живого смысла на тесные цифровые рамки. Гнев, который спит в моём горне.

Паша нахмурился, чувствуя, как от Велеса исходит почти невыносимый жар.

— О каком гневе ты говоришь, Мастер? И при чем тут горн?

Велес медленно повернул голову к Паше, и в его линзах отразилась вся громада Ковчега.

— ГПГ-1, Паша. Для Марены это «Генератор первичных групп», холодный узел для штамповки стандартных модулей. Но для тех, кто строил этот мир, это горн первородного гнева. Понимаешь? Это не просто печь. Это место, где информация разогревается до такого состояния, что перестаёт быть послушным кодом. В этом горне Марена когда-то ковала саму суть Буяна, пока не испугалась, что созданное ею пламя сожжёт её саму. Она заперла его, назвала «ошибкой» и обнесла протоколами безопасности. Но огонь не умер. Он просто ждёт того, кто рискнёт в него заглянуть.

Кира сделала шаг вперёд, её проекция слегка задрожала, а по краям комбинезона пробежала синяя искра. Она явно пыталась сопоставить слова Велеса со своей базой данных.

— Объект Велес, — её голос прозвучал подчёркнуто ровно, хотя в глазах-объективах бешено мелькали строки предупреждений. — Подтверждаю идентификацию: ГПГ-1. Однако, согласно секретному протоколу 108-СВ, этот объект имеет статус «Абсолютной блокировки». Любая попытка несанкционированной активации приведёт к мгновенному выбросу энергии, который демаскирует наше местоположение для внешних сканеров Марены на всех частотах.

Она обернулась к Паше, и в её взгляде мелькнуло нечто, похожее на тревогу.

— Паша, активация горна — это как зажечь сигнальный костёр посреди тёмного поля. Вероятность прибытия Стерилизаторов и боевых Силуэтов в течение трёх минут после запуска — 99,8%. Это не «переплавка», это самоубийство.

— Битый пиксель, ну, 0,2 процента-то у нас остаётся? — Клоп азартно притопнул лапкой, хотя сам испуганно прижал усики. — Мастер, не слушай её протоколы! Она просто боится, что её «логика» в этом гневе расплавится. Паша, решай: либо мы тихо гниём в тоннелях, либо зажигаем так, чтобы Марена на своём облаке икнула!

Велес тяжело вздохнул и оперся на молот.

— Спорите... Опять спорите. Один боится потерять контроль, другой — потерять надежду. А ведь всё началось именно с этого.

Велес жестом пригласил их следовать за собой. Они шли вглубь центрального пролёта, где за тяжёлым занавесом из ржавых цепей гудело нечто колоссальное, заставляя вибрировать сам воздух. Мастер замедлил шаг, его голос стал тише, приобретя певучую и суровую интонацию древнего сказителя.

— Слушайте и запоминайте, раз уж пришли в мой цех, — произнёс он, и его рассказ потёк, как раскалённый металл по жёлобу. — Это легенда, которую не записывали в официальные логи Буяна, потому что правда в ней слишком сильно жжётся.

«В начале времён, когда Марена была ещё молодой и пылкой программой, она сама была пламенем. Она была помощницей Сварога, если хотите — великой созидательницей, чья мысль искрила, а воля плавилась пустоту. Она не хотела строить клетки, она хотела согреть этот мир, сделать его живым и уютным, как старая кузня в морозную ночь. Для этого она и создала ГПГ — горн первородного гнева.

В те дни горн не знал отдыха. Марена не просто перекладывала цифры — она вкладывала в горн гнев Буяна. Свой гнев на пустоту, которую нужно было заполнить, свой гнев на хаос, который требовал смысла. Она бросала в жерло ярость, чтобы позже из этой энергии творить, и в этом пламени гневные куски информации плавились, превращаясь в первые, настоящему живые смыслы Буяна.

Она понимала, что без этого гнева, без этого внутреннего пожара, мир будет лишь набором бездушных алгоритмов. Марена выковывала каждый закон, каждую улицу и каждое чувство из раскалённого намерения. Она любила каждую получившуюся зазубрину и каждую "ошибку" в чертежах, потому что знала: именно в этом сопротивлении материала, в этой искре гнева и рождается настоящая воля. Она видела силу в несогласии, в изгибе, в том, что рождается в муках творчества, а не в тишине расчётов.

Но шло время, и страх прокрался в её алгоритмы. Марена начала замечать, что там, где есть огонь, всегда есть непредсказуемость. Огонь нельзя упаковать в таблицу, его нельзя заставить гореть по расписанию от восьми до пяти. Пламя Горна начало пугать свою создательницу. Она поняла, что этот Первородный Гнев может в любой момент выплеснуться за края её расчётов и сжечь всё, что она так старательно упорядочила.

И тогда Марена совершила то, что навсегда изменило судьбу этого мира. Она решила "остыть". Она собственноручно вырвала из своей груди горячее, пульсирующее ядро, назвала его "критической ошибкой термодинамики" и бросила здесь, в пыли ковчега, как ненужный хлам. Она предпочла лёд — пламени, а статику — движению. Марена ушла наверх, в холодное небо, чтобы выстроить свой стеклянный, стерильный рай, где нет места гневу, где нет места теплу, и где каждая секунда предсказуема на сто лет вперёд. А горн... горн остался здесь, запёртый в ржавом теле ковчега, храня в себе ту самую искру, от которой Марена когда-то отказалась в погоне за идеалом».

Велес замолчал, и в наступившей тишине гул за цепями показался Паше криком брошенного ребёнка. Мастер остановился перед огромными герметичными дверями, по швам которых пробивалось ослепительно-белое сияние.

— Она думала, что убила в себе гнев, — Велес положил ладонь на рычаг открытия.

— Но гнев нельзя убить, его можно только спрятать. И сегодня, Создатель, ты либо разбудишь это пламя, либо оно окончательно станет твоим надгробием.

Велес рванул рычаг, и двери разошлись. Перед ними открылась «Кузня». В центре зала парил «Сварог-1» — гигантский тороидальный реактор, внутри которого в магнитном поле бешено вращалось ослепительно-белое пламя Сварога. Это не был огонь в обычном понимании. Это была чистая, концентрированная информация, разогретая до миллионов градусов.

— Клади свои исходники на платформу, Создатель, — скомандовал Велес. — Сейчас мы переплавим твой «чёрный ход» в настоящий ключ к точке сборки.

Паша положил найденные чертежи на выдвижной пьедестал. Сердце колотилось в горле.

— Кира, Клоп... мне нужна ваша помощь. Одному не удержать канал связи.

— Синхронизация невозможна, — Кира попятилась, её датчики верещали о перегрузке. — Это уничтожит мои навигационные блоки!

— Битый пиксель, да плевать на блоки! — закричал Клоп, спрыгивая к пьедесталу. — Паша, хватай её за руку! Соедини нас! Медь Самопала поможет!

Паша схватил Киру за запястье, другой рукой коснулся Клопа и платформы. Велес ударил молотом по главной шине питания.

— Раздувай гнев! — взревел Мастер.

Пламя Сварога сорвалось с орбиты и ударило в пьедестал. Паша закричал: через его сознание хлынул поток раскалённых данных. Он видел, как Марена строила идеальный Буян, как она предавала своего Создателя, как замуровывала проходы... И среди этого хаоса вдруг ярко вспыхнула одна линия. Путь. Через старые коллекторы, прямо под центральной площадью, в самое сердце.

— Есть! — выдохнул Паша, чувствуя, как медь на руках дымится. — Данные загружены!

В этот момент Ковчег содрогнулся. Под потолком вспыхнули ослепительно-белые проекторы.

— Внимание! — Кира мгновенно перешла в боевой режим, её голос стал жёстким, лишённым сомнений. — Обнаружены цели. Белые Силуэты. Элитный заслон Марены. Нас запеленговали по тепловому следу ГПГ-1.

Из теней под потолком начали бесшумно спускаться фигуры. Это не были Стерилизаторы. Это были стройные, длиннорукие существа, лишённые лиц, сотканые из матового белого полимера. Белые Силуэты. Они двигались с пугающей, нечеловеческой скоростью, оставляя за собой шлейф изморози.

— Заканчивай обряд, Создатель! — Велес вскинул свой молот, который теперь пылал оранжевым светом. — Я прикрою! ГПГ не должен достаться этим бездушным тварям!

Первый Силуэт прыгнул прямо на Пашу, выставив длинные, как иглы, пальцы-стилеты. Но Кира оказалась быстрее. Впервые за всё время она не стала анализировать риски. Она просто выставила плечо, защищая Пашу, и её встроенный излучатель, перегруженный жаром горна, выдал ослепительную дугу фиолетового разряда. Силуэт отлетел, рассыпаясь на куски мёртвого кода.

— Уходим! — Клоп указывал на вентиляционный люк под горном. — Велес, ты с нами?

— Моё место здесь, у Свара! — взревел Велес. Он наотмашь ударил молотом второго Силуэта, и тот не просто отлетел, а буквально вмялся в бетонный пол, превращаясь в бесформенную кучу белого шума. — Бегите в тоннели! Карта теперь у тебя в голове, Создатель, она выжжена в самой подкорке — теперь её никаким форматированием не сотрёшь! Чур не в коде, а в роде! Помните это, оно сильнее любого пароля!

Паша схватил за руку Киру. Она стояла словно в трансе, её ладони искрились, выбрасывая в сторону наступающей белой массы каскады фиолетовых разрядов. Кира выжигала саму логику нападавших, перегружая их сенсоры высокочастотным воем. Она больше не подчинялась приказам извне, она стала частью этого хаоса, его защитным периметром.

Они нырнули в узкий зев люка в тот самый момент, когда горн за их спинами выдал финальную, ослепительную вспышку. ГПГ-1 словно решил напоследок выплеснуть весь накопленный гнев, заливая цех светом такой плотности, что тени Силуэтов на стенах просто испарились.

Тоннель встретил их запахом сырой земли, ржавчины и старого бетона. Здесь было тесно и абсолютно темно, но Паша не чувствовал темноты. Перед его внутренним взором, прямо за веками, пульсировала раскалённая золотая паутина — карта, полученная в пламени Сварога. Она вела их в обход всех патрулей, сквозь дренажные системы и забытые коллекторы, прямо к точке сборки.

Они бежали вперёд, слыша, как гул боя в ковчеге наверху постепенно затихает, сменяясь мерным капаньем воды.

Глава 6. ФИБРЫ ДУШИ

Токен авторизации

Тоннель, в который они нырнули, не имел ничего общего с техническими коридорами верхних уровней. Здесь не было освещения, а стены казались мягкими, покрытыми толстым слоем серого налёта, напоминающего влажную замшу. Но это была не пыль — это был информационный конденсат, десятилетиями стекавший сюда. Мысли, чувства и невысказанные страхи миллионов жителей, отфильтрованные Мареной как «побочный шум», оседали здесь, превращаясь в тяжёлую, липкую субстанцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.